

15 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Дорогая редакция!

Минская дружба связывает нас, минских тракторист-пролетариев, комсомольцев, Сталинградского тракторного завода. Вот уже шестнадцать лет, как мы дружим, растет взаимное уважение, растет обмен опытом своей работы. У наших сталинградских друзей боевая атмосфера комсомольской организации. На острие у нас острейшая проблема — повышение качества продукции. Работать много интересно нашим, слабые трудовые дела вытесняют в дни передового ванта. Сегодня работа сталинградских комсомольцев была отмечена на X Всесоюзном В.К. ВАСКЕЯ.

Мы просим редакцию "Смены" рассказать на страницах журнала о том, как живут и трудятся сегодня молодые трактористы Сталинграда. Нам хотелось бы

рассказать о друзьях и интересах, о впечатлениях от поездки в Сталинград.

до порушения комсомольцев и молодежи Минского тракторного завода.

Зав. секретарию заводского комитета комсомола.

А. Колесовский

Юристы братья комсомольского труда

Д. Кулик

Секретарь комсомольской организации завода.

Митяинского цеха В. Вадворский

Участник комсомольского труда

Митяинского цеха. А. Брешинский

15 июня 1966 года

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предложение молодых минчан нас очень заинтересовало. В нем было много заманчивого и необычного. Посоветовавшись с редакцией, мы решили не ограничиваться, как обычно, одним-двумя материалами, а широко, с разных сторон показать жизнь и труд молодых сталинградских трактористов, рассказать об их радостях и трудностях, о заботах и делах многотысячной комсомольской семьи, о творческом напряжении всего коллектива завода, готовящего замечательный подарок XXII партийному съезду — первую серийную партию скоростных мощных тракторов «ДТ-75».

«Смена» на СТЗ по заданию читателей — под такой рубрикой в этом номере на 4—20-й страницах публикуются материалы со Сталинградского тракторного.

Дорогие друзья, читатели нашего журнала! Нам хотелось бы узнать ваше мнение об этих материалах: что понравилось вам, что, по вашему мнению, редакции удалось? Какие члены издания, по примеру минчан, вы хотели бы предложить редакции «Смены»?

Ждем ваших писем.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

15 АВГУСТ 1966

массовый
распространять
ежемесячно

«Посещение Кремля — самый счастливый и необыкновенный день в моей жизни».

Запись в книге для посетителей.

Восхождение на вершину

— Как пройти к Боровицким воротам?
— Идем вместе, товарищ.
На бесkozyрке — «Тихоокеанский»... Девушка в спортивном костюме из Белоруссии; это легко определить по ее выговору. Высокий узбек в ватном цветном халате. Остальные откуда? Шофер совхоза «Ленинградский», и сам с Невской заставы; не успел, когда ехали на цепную, осмотреть Кремль. Путевой обходчик со станции Зима. Молоденькая учительница из Бийска.

Если бы юные судьбы вычерчивались на карте, из Москвы, из го-

родов и сел протянулись бы линии к самым дальним кружочкам и к таким местам, где ничего еще не обозначено, кроме сплошного разлива лесов да речной извилистой полоски.

Навстречу из Саян, от поселка сахалинских рыбаков, от синих карельских озер и желтого Памира, стянутся, пересекутся в самой крупной городской звезде нашей карты такие же юные, стремительные линии. Побывать в Москве, с обнаженной головой войти в Мавзолей, осмотреть Кремль — правило советской жизни.

Московский Кремль! В нашем многоголосом и дружном народе на-

дета ли человек, для которого облик общего дома — Родины не сливался с зубчатой стеной и островершиными башнями!

Когда туркменские конники, завершив переход Ашхабад — Москва, пришли в Кремль, они сказали всеобщему старосте:

— В Усть-Урте трудно было, ай, трудно! Но каждый думал: иду в столицу Москвы.

Мудрый старик в очках, с бородой кинешком ответил:

— Москва — высокая башня, она отвоюю для вида.

Московский Кремль виден с Мамаева кургана, из донечской шахты, в око полевого вагончика тракторной бригады. Но, конечно, никак радость — увидеть его вновь.

А послевоенный Кремль молодой. Радовали своим свежескрипчим цветом объявленные стены. Пестрела крыша Теремного дворца. Заново шумелись позолота полных куполов.

В залах, куда прежде сходились толпы депутаты, вспыхнула новогодняя елка. За детьми двинулись студенты на выпускные вечера... Намеком, разнеслись вести: открыт свободный доступ в Кремль. С тех пор миллионы и миллионы людей побывали здесь. Что пережил, перечислять становял каждый из них?

Вот и мы с тобой, товарищ, идем по Александровскому саду. За Троицкой башней заметней проступают склоны кремлевского холма. Смотри, он невисок, этот холм, а взгляд отсюда так охватывает землю, как ни с одной из знаменитых вершин.

Ракетным взлетом подымает нашу душу Кремль.

Скоро в кремлевские ворота войдут делегаты Двадцат второго партийного съезда. Они поднимутся на кремлевский холм, как на горный перевал, откуда вершина коммунизма встает волнующе близко. Сюветусь со всем народом, они разработают маршрут нашего восхождения на эту вершину.

Своей очередной съезд партия созывает на сорок четвертом году Советской истории. Съезд даст стране основы плана двадцати новых строительных лет, примет новую партийную программу. На многие годы вперед будет видно с трибуны съезда.

А взгляд, а взгляд, а взгляд мы одолели в путь, породит небывалый всплеск гордости. Смотрите, из каких тыщней ушел старей жизни пробрлись мы, какие тяжкие камни трудностей сбросили. В грозовую октябрьскую ночь вышли на верную дорогу и ни разу не свернули с нее. Топерь отсюда, с кремлевского холма, так ясно различны неуклонность и упорство нашего движения. Вы, в чем сделала исторический шаг страна Ленина, все, что она добыла бастрашинам, мудростью, трудами и кровью, связывается воедино; отдаленные и разрозненные, казалось бы, события выступают ступенями одного пути, и видишь, как в этой передаче или старшие поколения подпират наследников и продолжателей своии железными плечами.

Нужно была неустранимая большизна в спорах и первом параграфе Устава, что над Смольным взвилось красное знамя. Нужно было форсировать Сиваш в двадцатом году и Днепр — в сорок третьем, чтобы СССР первым форсировал космос. Нужно было собрать на волжском берегу советский трактор, чтобы в южных степях поднялся Целиноград.

Всякой смысл всего, что вынес, выстроил и теперь замыслил народ, видет сейчас отчетливей, чем когда-либо ранее:

— Все во имя счастья человека, все во имя него!

С думой о предстоящем съезде партии, в ожидании радости вступишь ты на кремлевский холм.

С первого шага телом захлупа опрятность, но удивный — домашний во всем порядке. Войти в Кремль — как войти в чисто прибранную горницу. А ведь тут всегда так! Приобщение к торжественности кремлевских будней наполняет славным чувством, ощущением всенародной родственности и почтения: и ты принят и посажен в красном углу.

Медленно подымаеш вдоль решетки от Боровицких ворот. Постояли против входа в Большой дворец, всматриваясь в такие значительные для каждого из нас слова: «Верховный Совет», — простые русские слова, ставшие обозначением социалистического народовластья.

Как Кремль лежит в скреждении всех путей, так зал Большой Кремлевский дворец — в скреждении большинства в спорах и первом параграфе Устава, что над Смольным взвилось красное знамя. Здесь работали партийные съезды. Сюда сходились учителя и животноводы, композиторы и выпускники военных академий. Ударники и ударницы коммунистического труда приносили в своих ладанях новейшее тепло напущенных рукопожатий станочников «Уралмаша» и строителей из Умьр-Туя.

Нынешним летом, в годовщину начала Великой Отечественной войны, те же, кто водрузил над рейкстагом знамя Победы, пронесли его через этот зал, через бурю оваций. Пронесли и установилиazole гранитной фигуры Ленина. Кумачовое простое знамя. Непоколебимо, как наш народ. Оно в тот день поднялось над кремлевским холмом грознопламенным знаменем мира: разгром идет каждого, кто захочет испытать нашу силу.

Светлый зал с двумя тысячами мест, казалось, под стать привычному советскому размаху. Но теперь и он тесен. Сохранит ли Кремль свое название — быть местом событий, которые крупными веками входят в историю? Да, сохранит! Вгляннута, товарищ: меж древних створений поднимается новое здание, вот его легкие стены из стекла и белого камня. Здесь будет зал на шесть с лишним тысяч мест. Всепартийный и всенародный форум — XXII съезд соберется на этом сердцевином холме.

С кремлевской трибуны слово советских коммунистов облетит землю, отозвучит в сердце каждого простого человека. Независимости коммунизма год за годом чертили нам только могли «политику Кремля», а смысл этой политики ныне всем, как солнце. В коммунистическом обществе главное — человек. И все, что наметит XXII съезд, свершится во имя человека.

Заглушит голос Кремля жалос подлинной человечности — призываят своих ученых слугам дозвеева капиталистических монополий.

Вместо похвалы автомобильным покрывками теперь все чаще раздаются на Западе враждебные уверения, что, мол, капитализм самой истории назначено оберегать «человеческие ценности». Американские политики лихорадочно жалуются: они-де проигрывают в мировой борьбе — сил будто бы потому, что основывая свою веру на «человеческих ценностях», в то время как политика Кремля «жестка и материалистична».

Бедные американские капиталисты, они так ослабли от постоянных усилий сохранить в мире «человеческие ценности! Сколько подобилоостей настоящих, чтобы Хаммермюллер стал голову Патриса Лумумбы за пределы уранисии, рудники и шахты — сейчас нам много приближает народы американского «концепции свободы» настолько, насколько приближены к ним американские военные базы.

Господом атомщиком хочется, чтобы голос из призывно звучал с холма, где стоит американский Капитолий. Но оттуда до людей доносятся лишь хриплые призывы к вооружению да к устрешению...

Л енин... О нем мы думаем неотступно. Он жил здесь, в Кремле. Сюда приходили к нему крестьянские ходоны, военкомы, ученые. (Родись и ты немного раньше, мог бы вот так прийти к нему!) Из Самарской губернии передавали просьбу организатора крестьянского кружка выслате декреты Совласти — Ленин тут же поручал выполнить, а мы и ответить, что писать ему можно прямо в Москву, Кремль. (И ты мог бы написать: «Москва, Кремль, Ленинку!») Осенью двадцат третьего года он приехал из Горок на несколько часов в Москву и заходя в свой кремлевский кабинет. В последний раз...

С волнением проходим по тем местам, где Владимир Ильич поднимал бранни на коммунистическую суббюблина. Картина нашей, советской истории... Какая суровая реальность! Никто не посмеет закрыть ее парадными красками. Товарищ, всмотрись в эту даль, в нашу советскую рать: над пустыми полями, над бездальными трубами завостала трудовая зря новой жизни. Не выбором наилучшей марки телевизоров обозначены былой жизни, а тем, где бы раздобыть стекло для лампы-трамплинов. У нас, Россиянка, теперь адские минские корабли, но было тогда простых гвоздей. А Ленин вернул в электрическую Россию! Вот его рабочий стол. Здесь он писал «Очередные задачи Советской власти» и записки, чтобы товарищу выдали сапоги или шальку. Но столе в подсвечниках — свечи: на случай, если लागает свет. Однажды после собрания, где были Ленин и Горький, во всей Москве погух свет. Уезжал, Горький вселюво говорил: «Маяк дохнет Ильич поехать к нему, говорит, что у него есть какая-то необыкновенная, толстенная свеча... Так что мы посидим с ним при этой свече. Помечаем с ним об электрификации...» Ну-ка, молодые, держаченье, беритесь за кисть, запечатлейте их мечтаниями! — при свече! — о Волховской и Братской ГЭС! Почти социалистической революцией был ивлетким делом. Не свазос огонь, через горы трудностей пронес наш народ веру в человека, верность самым человеческим — коммунистическим идеалам. В сознании правоты своего дела, величия борьбы за счастье для всех — разгадка той ни разу не ослабевшего напора, с каким пробивал себе новую историческую дорогу наш народ.

Верни:

пройдут	года
летом коммуны	сегодняшних лет,
и счастье	согреет лета,
и счастье	огромных год
дозреет	на красных
	октябрьских цветах.

Время созревания плодов пришло. Полнится коммунистическая чаша, высветляются и множатся духовные грани коммунистического человека. Вгляннута теперь, товарищ, с высоты кремлевского холма: какая ширь, какое солнце впереди!

Хорошо человеку в Кремле. Идет неторопливо, на лице счастливая дума. Сколько всего надо еще посмотреть!

Читаем записки в книге для посетителей. «После осмотра Кремля чувствуешь прилив гордости, чувствуешь, что родился на Великой Земле, среди Великого Народа, чувствуешь, что ты сам велик». «Поразшено всем виденным. Глубокое волнение испытываю, когда думаю о нашем народе, создавшем и создающем великопленные памятники искусства» — записывает библиотечник из Казани. Шахтер записал: «Из далекой Сибири в Кремль чудовен». «После осмотра Кремля чувствуешь прилив гордости, чувствуешь, что родился на Великой Земле, среди Великого Народа, чувствуешь, что ты сам велик». «Поразшено всем виденным. Глубокое волнение испытываю, когда думаю о нашем народе, создавшем и создающем великопленные памятники искусства» — записывает библиотечник из Казани. Шахтер записал: «Из далекой Сибири в Кремль чудовен».

Тут же записки людей из зарубежных стран. На китайском, арабском языках; человек, написавший по-шешки, вывел рядом по-русски печатными буквами: «Прага». А вот размахистичное: «Vive la paix!» И вновь записки советских людей: «Это раньше думал, что темный язык посетит Кремль и увидит все это!» «Смущает, что осмотрел ноюидными создания народа русского, да будто ввел свои язык и сваял наш Отчужден». «Самый светлый день — это день, когда я посетил Кремль».

Балтийский матрос написал: «Я желал бы, чтобы каждый советский человек побывал здесь».

Это забудет!

Счастливые ворота вывели на площадь. В последний раз мы взглянули: вечноло Кремль горчиче полотнище, наше государственное знамя, подыто в те пору, когда в кремлевские ворота вошел Председателем Ленин. Произносившее солнцем, стремительное знамя коммунизма осенит все думы и решения Двадцат второго партийного съезда.

И. РОТИН

Три человека говорят об одном. Не привыкли они к иллиниям чужа, Леша Дачченко признается: — Я его сначала боялся... И Леша засмущанно улыбается. Гена Цетков, парень горячий и резкий, в сердцах бросает: — Ну и насылок он мне в свое время! А разметчик Виктор Хрипунов неопределенно качивает головой и говорит: — Чужак человек! Бывают же такие... Трое говорят об одном — о мастере Зарубаеве. Говорят по-разному. Кому же из них верить?

Если посмотреть в глаза...

Лешка появился в цехе неприметно. Молчаливый, маловидный, колочий. Все делал на пол тона. Уронит и испуганно оглянется: никто не заметил? На Лешку не обращая внимания, пока не узнали, что он отбывал в колонии наказание.

Поселил к Лешке с распри, как и что. Лешка смотрит исподлобья, молчит. И вдруг чей-то строгий голос:

— Ну, чего пристали к парню? А ну, марш к станкам!

Ребята, как воробы, врассыпну. Перед Лешкой — мастер. Пожилой, глаза усталые. Но Лешка по привычке в глаза не смотрит.

Мастер ни о чем расспрашивать не стал. Поднял калку, которой Лешка прикрывал непорочные детали, и молчит. Лешка еще больше затосковал. Даже вспотел от огорчения.

— Я переделаю, — сказал он, глядя куда-то мимо лица мастера. — Я постарался... Уже ничего не переделаешь, — мастер повернул в руке деталь, — тут дело по-серьезнее...

Сердце у Лешки утало, и покатилось неизвестно куда: «Погонят с завода». — Это, дружок, обо-... — ворчит мастер. — Ну, что тебе тут? Почему делал залпор? Неделю спустя смотрит Лешка: мастер о чем-то начальнику цеха говорит, поглядывая его в сторону. «Не иначе, по детали рассказывает», — заключает Лешка. В цехе стало тихо. А если б вдруг случилось, что замолчали бы все станки, Лешка бы услышал:

— Что тебе стоит, преподнес лично парню, — просил мастер.

— Яков... Как ребенок, честное слово! — морщится начальник цеха. — Не все ли равно, здесь он ее получит или у станка.

— Для этого парня не все равно. Понимаешь?

В обеденный перерыв подходит к Лешке начальник цеха и на виду у всех вручает характеристику: Лешка поступает в вечернюю школу. Первому в цехе вручили. Лешка стоило счастья. А на стороне мастер неприметно улыбается. Но Лешка не видит этой улыбки. Он ведь не знает, о чем был у мастера разговор с начальником.

Не знает он и о разговоре мастера с Толей Титовым. Толь — лучший толяр в цехе. Мастер просит его:

— Ты бы помог Дачченко. — Эрштыш он парень какой-то... — неохотно отвечает Толь.

— А мы не пелье к нему с глупыми расспросами, он и не будет ершиться.

У Толя все горит в руках. Каждое движение продумано, рассчитано. Привыкает к нему Лешка. Стая ходить по пятим. Подружился. Только однажды остался Лешка один. Как раз тогда, когда Толя ему был так нужен...

Возвращались с экскурсией в Петродворец. Устали и сидели молча. А Лешку так и подмывало рассказать о том, как он сегодня познакомился с девушкой. Наконец он не выдержал и рассказал.

— У меня и косинка се осталась...

Смущений от счастья Лешка так показывал всем косинку. Посматривал наскелки.

— Вот тебе и тухляк!

Лешка не знал, куда деваться от стыда. Эх, если б рядом был Толь! И тут подошел мастер. Сел рядом с Лешкой, посмотрел на

И. ПРЕЛОВСКАЯ, А. СИРЯНИК

На шум приходит Зарубаев. — Ну и ну! — сокрушению качает он головой. — Не иначе ребята постарались. Вот разбойники! Да ты не огорчайся. На соседнем участке все сами замки пошили.

— Кто это? — машинально спрашивает Геннадий.

— Жена твоя, Варя, — говорит Зарубаев, и у глаза его собираются насмешливые слезинки-морщинки.

Цетков ничего не отвечает.

...Если бы в цех был музей старья, Геннадий сдал бы туда зловещий замок. Теперь он им не дорожит.

Письмо, прочитанное дважды

В цеховой комнате пришло письмо. Жена разметчика Виктора Хрипунова жаловалась на своего мужа: пьет, грубит. Вызывали Виктора. Тот сидит и только головой качает.

— Ну и народ же эти женщины!.. Нет, мы посмотрим, что нагородило...

Члены цехкома сочувственно подкаивают его. Виктор знает давно: переживания, хорошие общественные.

И все поверили Виктору. А мастер Зарубаев не поверил. Пришел к председателю цехкома, попросил письмо.

— Ты же его видел.

— Еще раз хочу посмотреть, — сказал Зарубаев. Но читать письмо не стал. Аккуратно свернул и положил в карман. У Виктора спросил:

— Где живешь-то?

— На Фонтанке, — Виктор помоллся, назвал адрес.

Выдался у Зарубаева свободный день, и он поехал домой к Хрипуновой. Знал Фонтанку обошел — нет такой квартиры.

Утром пришел на завод. Ругаться не стал, только сказал Виктору:

— Что же ты, дружок, меня, станка, обманул. По Фонтанке заставил бегать?

Виктор покраснел, опустил глаза. — Я думал, вы просто так, Сергей Яковлевич. Думал, вы не поедете. Зачем вам в это дело лезть?

— А зачем, что непонятно мне что-то вся эта история...

Для чего два Зарубаев в отделе кадров адрес Хрипунова. Поехал снова. На этот раз уже по точному адресу, к Лесной академии. — Встретил Зарубаева женщину.

В ватнике, худенькая... Оказывается, это и есть жена Виктора.

Полдня бродит он вдоль по парку, разговаривая. Потом приходит к работнику Виктора. На этот раз они ходят по парку уже втроем. По правую руку от Зарубаева — он, по левую — она...

Зарубаев уходит от них поздно. С порога возвращается и бегом кладет на стол письмо.

...Наутро признается по делу Виктора паре-веди на другой участок — рядом с Зарубаевым.

— Это как же понимать? — засуетился Зарубаев.

Виктор скачал: — А так, что будешь ты у меня теперь на глазах. Я ведь друзей-заблудивших твоих всех знаю. Не такие тебе друзья нужны...

— Помолчи, помолчи. — Домой теперь вместе будем ходить. Снова?

И они стали ходить вместе, хотя Сергею Яковлевичу было это совсем не по пути.

***

Бывают, все говорят о человеке хорошо. А попросите рассказать о каком-нибудь его добром деле — и люди смущаются, не могут ничего припомнить. Был со всеми жидкий, улыбка, ни с кем не сорвался... Но когда увидят этого человека из их жизни, они тут же заблудят его.

О старом коммунисте, поистинному работнике Советского Союза Зарубаеве на Кировском заводе рассказывают охотно и много. То с неосидливой в двадцатилетних углах-тиках парих неохотью, то с недоумением пожимая плечами, то с затененной досадой. Говорят по-разному. Но все человека, который отозвался бы о нем равнодушно.

Кировский завод, Ленинград.

Замок величии с подноу

Кому не встает, когда его видит. И, разумеется, Геннадий Цетков гордился тем, что его имя нет-нет да и мелькает в заводской многотиражке. Геннадий привык к похвалам, и хоть он не признается в этом даже себе, его самолюбие было бы задето, если б вдруг перестали замечать в цехе, что у Генки Цеткова руки золотые.

Затем и бережет Геннадий как зеницу ока своего инструмент. Аккуратно раскладывает, по-особенному, с секретом заточенные метчики в тумбочку. И хоть бросают на его тумбочку ребята косые взгляды, Геннадий не обращает на эти внимания: луская себе заводит. Только один человек заставляет его порой потупиться. Это мастер Зарубаев. Когда Геннадий кончат смену, подходит мастер и глядит, как он наवेशивает на тумбочку замок величии с подноу.

— Ну и замки! — замечает мастер. — Неудобно это дело. Сейдэ так проше — сделай замок ключиком и гото...

Генка смотрит и не пойма: то ли надевает над ним Зарубаев, то ли просто так шутит. «И что он ко мне пристали! Ну и вредный же мужик досадит Геннадий. Другие ведь тоже замки вешают. Один я, что ли?»

На собрании Сергей Яковлевич говорит ребятам: — Брак в цехе много. Вот если бы у всех был такой инструмент, как у Геннадия Цеткова. Милое дело!

А после смены опять стоит и, чуть склонив голову набок, внимательно смотрит, как Гена прячет инструмент в тумбочку. «Смотри себе на алдроне...» — насмешливо думает Цетков. И даже начинает потихоньку нахвастываться. Но где-то в глубине души у него поселяется тревожное чувство. Впрочем, Геннадий не задумывается, не огорчается, только нахвастывает чуть громче...

Следующие за тем событие поражает Геннадия, как гром. Подойдя однажды с ключиком к своей тумбочке, он видит, что дверца открыта и замок вылезает рядом. Геннадий бросается, пересчитывает метчики. Все на месте, но он возмущенно кричит:

— Безобразия! Где такой человек, который замки чужие ломать?!

ЗАПЕЧАТКА

КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СССР

СТАЛИН ПЕРВОМУ ЗАВОДА ИМЕНИ Ф. Э. ДЕРЖИНСКОГО

А. УШАКОВ,

секретарь парткома
Сталинградского тракторного завода
имени Ф. Э. Держинского

Если выйти на площадь перед заводскими воротами и посмотреть к людям, которые, словно ручейки, стекаются к проходной, то невольно бросится в глаза, что среди спешащих на смену рабочих множество молодых лиц. Да, молодежь на нашем предприятии трудится очень много. И трудится она замечательно! Какие бы сложные и большие задания ни поручали нашему трижды орденоносному коллективу, всегда первыми за них берутся юноши и девушки с комсомольскими значками на груди. Комсомольцы — верные и активные помощники нашей партийной организации, и о некоторых из начинаний и интересных делах мне хочется сегодня рассказать.

Семилетку — а пять лет! Этот лозунг стал ведущим во всей работе комсомольской организации завода. Над тем, как быстрее и лучше достигнуть поставленной цели, думают рабочие и технологи, мастера и инженеры. Само собой понятно, что сделать это можно только на базе новой техники путем механизации и автоматизации трудовых процессов.

Поэтому более двух лет назад наши комсомольцы начали вести активную борьбу за технический прогресс, за внедрение в производство передовой технологии. Во всех цехах созданы группы, которые руководят этой работой. По инициативе комсомольцев введены переходящие вымпелы, личные книжки участников похода за технический прогресс, установлены доски почета молодых передовиков, витрины лучших молодых рабочих. Настойчивая борьба молодежи за технический прогресс дала уже замечательные результаты: за прошедшие два года на заводе внедрено около двух тысяч организационно-технических мероприятий, над которыми шефствовали комсомольцы. Это сэкономило (в новых ценах) свыше 1,6 миллиона рублей!

Но комсомольцы не успокоились. По их инициативе на заводе стали создаваться самостоятельные конструкторские бюро рабочих и на общественных началах. Сейчас у нас работает уже 32 таких ОКБ, а их плодотворно трудится более тысячи рабочих, инженеров и техников.

Вот несколько примеров их работы. В автоматико-серийном цехе долгое время не могли наладить работу станка, на котором шифровали разрезной сахарин-каптана. Слесари Иван Бельицель предложил оригинальное приспособление, позволявшее устранить часть поломки. Но выполнить необходимые расчеты и чертежи он не смог. Тогда ему на помощь пришел член ОКБ цеха технолог Константин Сорочкин. В ходе работы потребовалось произвести расточку одной детали сложной конфигурации. По просьбе ОКБ один из лучших работников завода, П. А. Самсонов, во внеурочное время выполнил эту работу. В итоге через месяц станок был модернизирован и стал работать без перебоев, причем его производительность увеличилась в два раза, резко сократился расход шифровальных камней.

А слесари-модельщики сталфасонного цеха П. Бугорново с помощью товарищей по ОКБ изменили конструкцию литниковой системы трампа, что позволило сбереечь на каждом тракторе около пяти килограммов металла. В год это новшество позволило сбереечь около сорока тысяч рублей!

Но не только этими подвигами встречает молодежь нашего завода приближающийся XII съезд КПСС. Гордо и охваченно обучая проект новой партийной программы, программы построения коммунизма, рабочие все активнее принимают участие в движении за коммунистический труд. В наших рядах уже насчитывается более тысячи ударников и членов бригад коммунистического труда! За почетное право именовать предприятие коммунистическим трудом борется весь коллектив завода. Каждый стремится внести свою лепту.

Многие ударники коммунистического труда взяли шефство над молодыми рабочими, борющимися за почетное звание. И помощь эта — постоянная комсомольская. Взять хотя бы Валю Брееву. Она работает сверловщицей в автоматико-серийном цехе. Валя — передовая работница, ежедневно перевыполняет сменные задания, продукция у нее только отличного качества. Валя учится, ведет большую общественную работу: она — депутат Сталинградского горсовета. Валя — ударник коммунистического труда. А теперь она помогает завоевать это звание своей сменщице — Нине Кудряшовой. То же самое можно сказать о Зине Москаленко, которая шефствует над Равой Лидовской и Кларой Богатырьевой. И о многих, многих других.

Про наших комсомольцев нередко говорят: настоящие хозяева. Это не просто слова. Рачительно, по-хозяйски учится работать наша заводская комсомолка. До всего ей дело, везде проникает ее зоркий, многотысячный глаз.

БОЛЬШИХ ДЕЛ

Начали мы поход против брака — комсомолцы в каждом цехе уже проводят рейды, выщипывают специальные «витрины брака», которые доставляют немало неприятностей нерадивым рабочим.

Было на заводе трудно с металлом — заработали «комсомольские рудники», благодаря которым в прошлом году тысяча тракторов была изготовлена из сэкономленного металла.

Развешивается движение за сокращение затрат вспомогательного труда, за централизацию и специализацию вспомогательного производства. Заказ комсомолы — совместно с другими организациями — объявляет конкурс на лучшее рационализаторское предложение, связанное с сокращением затрат на вспомогательное производство. И первые успехи налицо. В течение нескольких месяцев по заводу ликвидировано ряд профессий. В двенадцати цехах отменены табельные, направлены на производственные участки 126 учетчиков, 84 контролера, 114 уборщиков.

В 1960 году на нашем заводе побывал Никита Сергеевич Хрущев. Он обратил особое внимание руководства завода на необходимость ликвидировать ручной труд, резко повысить культуру производства.

— Строчи коммунизм, — говорил Никита Сергеевич, — поэтому и культура производства должна быть коммунистической!

Комсомолцы завода горно откликнулись на слова Никиты Сергеевича. Они начали борьбу за создание цехов коммунистической культуры производства. Запасной тут стала молодежь пресового цеха. И цех этот прямо-таки меняется на глазах. На общественных началах здесь были созданы бюро по сварке и техническому прогрессу, которые реконструировали свыше 230 штампов. По предложению комсомольцев в цехе переставили несколько групп станков — и сократили ненужные перевозки деталей. Бригада во главе с комсомольцем Появляном была направлена за советом в Киевский институт электросварки имени Патона. Ныне более восьмидесяти процентов всех сварочных работ здесь выполняется автоматами и полуавтоматами.

Если вы пройдете сейчас по цехам нашего завода, поговорите с рабочими, то почувствуете, что все думы и замыслы коллектива направлены к одному — достойно, по-коммунистически встретить XXII съезд КПСС. Одно из основных обязательств коллектива СТЗ — подготовить к 17 октября производство на выпуск новых мощных скоростных гусеничных тракторов ДТ-75. Эту машину с нетерпением ждут труженники поля, строители, дорожники. Подсчитано, что применение ДТ-75 позволит увеличить производительность труда примерно на

25—30 процентов по сравнению с ныне выпускаемыми дизельными тракторами. А ведь это так нужно нашей стране, строящей коммунизм!

С конвейера сейчас еще соходят машины старой модели, а в инструментальном цехе, цехе приспособлений, в модельном, ремонтно-литейном и ремонтно-механическом цехах кипит напряженный труд. Здесь «рождается» новый трактор. Идет горячая борьба за изготовление останки, штампов, моделей и инструментов для ДТ-75.

Выпуск первой тысячи новых тракторов комсомолцы завода объявили своим кровным делом. Комсомольские контрольные посты, рейдовые бригады «легкой кавалерии», «молнии» и сатирические плакаты способствуют тому, чтобы эта задача была решена. Все силы, всю энергию молодежи отдаст сейчас тому, чтобы помочь заводу в кратчайшие сроки наладить выпуск нового трактора. Ведь это главный подарок нашего завода XXII съезду родной партии.

Но кроме того, каждый комсомолец, каждый молодой рабочий стремится встретить этот знаменательный день личными достижениями в труде. Ударники и члены бригад коммунистического труда поставили перед собой задачу: добиться, чтобы к съезду в цехах не было ни одного отстающего.

Коллективы цветнойлитейной и пресового цехов к XXII съезду решили добиться звания цехов коммунистического труда. В цехе гидро-системы перейдут к работе без контролеров, учетчиков и наладчиков. Бригады коммунистического труда сталеваоров Журавлевича, Головако, Кобцева дадут по 600 тонн сверхплановой стали, а бригады кузнечков Брызунова, Захарова, Елагина, Шлюского уверены, что выполнят годовое задание к 17 октября.

Такие примеры подлинно трудового героизма можно приводить без конца. Воодушевленные грандиозными и величественными перспективами, которые открываются со страниц проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза, рабочие и работницы, комсомолцы и молодежь Сталинградского тракторного строятся как можно лучше трудиться, чтобы быстрее построить светлое здание коммунистического общества.

...Неперывным потоком соходят тракторы с конвейера нашего завода. Тракторостроители дают им путь в жизнь. Тракторы с маркой «СТЗ» можно встретить сейчас всюду: в Целинном крае и на Украине, в южных районах страны и на Крайнем Севере. Мы горды тем, что наши тракторы получают одобрительную оценку laborоборов, что они значительно облегчают работу труженникам села.

Через два месяца из ворот сборочного цеха СТЗ выйдет первый серийный трактор ДТ-75 — любимое детище завода.

Досягнули!

Т. ИЛГОВСКАЯ

В это июньское утро Саша Бакалдин проснулся раньше обычного. Быстро позавтракал, поцеловал спящего сынашку и вышел на залитую солнцем улицу. Он старался идти неторопливо, останавливаясь у киоска, купил свежую газету (фото справа вверху). Но ночь, помимо воли, несла его к заводской проходной. Саша придирчив, чем обычно, осматривая свое рабочее место, распросил смееника, не было ли перебоев с деталями. Подошел Сашин напарник — Леонид Петеруха, поздоровался.

— Ну как, Саша?

— Валюхусь, — признался Леонид.

Судок прервал беседу. Саша и Леонид быстро встали на привычное место у главного конвейера и приступили к сборке первого в этот день заднего моста трактора. Но мысли и того и другого невольно возвращались и вчерашнему разговору с Виктором Гаврином, секретарем цехового комсомола:

— Завтра в обеденный перерыв на собрании рабочих смены обсуди, достойны ли вы оба звания ударника коммузма.

Медленно пульсировал конвейер. Двинулся Сашин Баландина точны и расчетливы. Ни одного лишнего (фото справа в центре). Но негнет да взглянет он на работающего по соседству товарища: сегодня они должны будут сказать свое слово, оценить его работу, его жизнь...

И вот он стоит в кругу рабочих и, взволнованный, рассказывает о Саше, слушает их выступления.

Третий год я работаю с Баландиным, — говорит Виктор Иоселинов. — Он меня, можно сказать, профессия сорбидна обучил. Правда, дотянуть его мне пока не удалось: зарывал Саша работает. Прямо загляденье. Ну, а когда меня грузиком сгором выважали, он мне тоню во всем помогал.

— А как с учебой у тебя, Саша? — спрашивает замполит, председатель цехового профсоюза Айна Маистратенко.

— Перешел в девятый класс, — отвечает Саша.

— Тут вмешивается Виктор Ельцов:

— Он был в школе, узнавал. Не только перешел в девятый, а с благодарностью директора за хорошую учебку. Вообще Сашин папень ты надо: чуть что попросишь — никогда не откажет, а семье, знаю, у него полный порядок.

— Его дополняет коммунист Борис Платонович Нишифоров:

— Когда Саша Баландин стоит на конвейере, я как начальник смены, вполне уверен: брака не

будет. Мне кажется, что Баландин завоевал право носить звание ударника коммунистического труда. Добавлю, что вчера я дал ему рекомендацию для выступления в партии...

— Как, товарищи, достоин Баландин почетного звания? — спрашивает Виктор Гаврин.

Лес поднятых рук был красноречивым ответом (фото слева). Так же единогласно проголосовали рабочие и за Леонида Петеруху.

А вечером, когда Саша возвращался домой, его с нетерпением встретили жена:

— Все в порядке.

— Поздравляю! Это и для меня большая радость... (фото внизу).

Ему позволялось все: гулять по территории, кокетливо срезают уголки и даже топтать травинки газона. Сам директор, будь это возможно, взял бы его к себе в кабинет и поил бы чаем с лимонком. Завод ласкал свое четвертое, появившееся после 12-летнего перерыва ретиче—могучий, скоростной «ДТ-75». А новорожденный богатырь, тоскивлю жуя траками перегретый асфальт, уже томился по росистым просторам, по дурманному запаху развороженой земли. Здесь, на заводском дворе, ему было неуютно и тесно.

Сталинградский тракторный привком делать историю нашей сельскохозяйственной индустрии. А когда делается история, посторонний не может быть. Опалая трезвое воображение, в цехе возникал смерч восторженной одержимости и яростного одушевления. Новая машина рождалась в большой радости и больших муках, люди священнодействовали, творили чудеса. Посторонний не могло быть.

В газетке, шедшем на опытное поле, где испытывался «ДТ-75», кроме меня, сидел еще молодой человек с воспаленными глазами волжанина и ржавыми волосами. Он наслаждался скоростью, ветром и даже видом пыльной, расклевывающей стелю с азартом любителя приключений, долго сидевшего заплерити. Неожиданно молодой человек улыбка.

— А вы заметили, как он разворачивается!

Еще недавно такой вопрос казался бы мне несколько странным, но сейчас, ознакомившись с СТЗ, я ответил без заминок, нисколько не сомневаясь в предмете разговора:

— Одно движение рычагом — и никакой потери скорости ни на поворот, ни при подьезде.

Синеглазый полупчик посмотрел на меня с благодарностью.

— И все один узел — преобразователь крутящего момента, или усилитель. Маленькая такая узло-

чек — руками вот так можно взять. А вот оказался гордый узел...

Делать в дороге было решительно нечего, и мой спутник разговорился...

Вениамин Заветин стремительно шагал по чистенькому, хрусткому снежку. Приборамчало. В накрывшийся ковш Большой Медведицы бесшумно стекало черное, как баварское пиво, небо. Воздух пах антоновкой. Но Заветин не замечал ни снега, ни неба. Он все бежал, бежал от самого себя, от мыслей, острыми шпелками втыкавшихся в мозг. Ни шум, ни приподли, убедительные и хлесткие слова, которые он должен был сказать как назад и не сказал. И сейчас снова и снова его захлестывало беспомощное и острое чувство обиды.

Вениамин не удивился, получив приглашение на бюро райкома партии: запаздывали первые, опытные «ДТ-75», на заводе было тревожно, требовались какие-то срочные меры. В кабинете секретаря райкома собралось много людей. Большинство курило, но Заветин на заблговременную договоренность не курить. Предметы качались, как в аквариуме с подкрашенной водой. Усталый, с темными тенями у глаз, отчитывался главный инженер. Он говорил о том, что напряжение в цехе предельное. Люди устают: не так это просто — переходить, не теряя производительности, на новую марку. И если заводу действительно удастся, не срывая плана по «ДТ-5А», параллельно переключиться на выпуск новой машины, это будет беспрецедентный случай в тракторостроении.

Потом он просил записать, что нужно заводу от совнархоза и Госплана.

Заветин слышал все, как сквозь сон: три последние ночи он физически провел над чертежами. Ломало спину, затылок, руки. Шелый год его группа работала почти по двенадцать часов вкреду. И вдруг Вениамин почувствовал,

Пусть думает, что ее не очень-то огорчат его неудачи.

В эти напряженные дни Залетина и вызвали на бюро райкома, чтобы отчитать за срыв задания. И, как рассказано выше, в это же время было найдено удачное решение узла. Усилитель, сконструированный группой Залетина, по словам одесских инженеров-испытателей, повышает коэффициент полезного действия «ДТ-75» на 10—15 процентов по сравнению с существующими моделями!

...После поездки на опытное поле мы встретились с Залетиним, как старые знакомые.

— Чувствуете, как у нас на заводе жарко?

— Да, во всех отношениях...

Вениамину, входящему в контрольную комиссию по подготовке «ДТ-75», нужно было о чем-то справиться в модельном цехе. Пошли вместе. Из дверей цеха доносился высокий, взволнованный паренек. Тонкий, энергичный паренек с усталым, хитроватым лицом, сбив на затылок челку, наступал на мастера:

— А я говорю: должна быть хорошая древесина — и точка! И точка! Не будет — к главному,

к директору... Мне же ничего не страшно, как я есть в ярости... А работу срывать никому не дозволено!

Мастер закурил головой и рысцой направился к начальнику цеха.

— И точка! — грозно сказал паренек и уже тихо пожаловался: — До истерик можно дойти...

«ДТ-75» будет к сроку, за модельщиками не станем!..

Неистовый модельщик оказался Анатолием Рыкалиним, производственным сектором комсомольского цеховка. Я попросила его рассказать, как борются комсомольцы за новый трактор. Но как раз в это мгновение в цех вошел новосский блондин в черном халате. Он поискал кого-то глазами и направился прямо к Анатолию.

— Рыкалин! — Верно, — кивнул Анатолий, как бы приглашая и нас участвовать в весьма интересной сцене.

— Сто двадцать заказов положено, а вы лейтциками сколько дали, пятьдесят? — враздвинул шепотом осведомленный блондин. И, спохватившись, предстает: — Владимир Виданов, из цеха при-

способлений... Из-за лейтциков простаемся. Вы что же, хотите выпуск нового трактора сорвать?

— У меня видна, сколько рук — две! А тут нулевой десяток, как индийского бога. Понял? И древесина — дрянь...

Складочка у губ «производственного сектора» страдальчески дрогнула.

— Ладно, что там... Придешь, скажешь, когда задания будут готовы... А будут?

— Будут! — подумав, сказал Анатолий и перелгался с подошедшими ребятами. — По три смены отработаем. За модельщиками не станем!

За модельщиками не станем, за лейтциками не станем, не станем за кузнецами и сталеварами. Скрученная из мускулов и нервов, протянувшая по цехам цепочка комсомольского контроля, и по ней, как тонкая струна, передается напряжение, передается от человека к человеку трепет творчества, готовность во что бы то ни стало выполнить свой долг. Вот с таким же упорством натурала обидевшиеся кариксы комсомола «Сталинградстрой» в 30-х годах, с такой же отчаянной решимостью

стоял насмерть в цехах СТЗ комсомола 40-х; так же, не считаясь со временем и силами, осваивал «ДТ-54» комсомола 50-х годов.

От модельщиков мы отправились в опытный цех. И Залетиним, встретившись, сразу заговорили на полупонятном языке.

— Как новая схема? Здорово! — спросил Вениамин Игнчу.

— Конечно, лучше, чем было. И до каких пор можно шлифовать?

— Из Одессы звонили: полторы тысячи часов — и безотказно. Понимаешь, безотказно!

— Тогда сойдим сегодня в театр!

Стояла адская жара, со всех gradом катился пот.

Над заводом плавно покачиваясь по ветру, пламенела лента лозунга «Завтрашнее годовое задание в октябре — ноябрь месяце и дадим в четвертом квартале тысячу новых тракторов «ДТ-75». Дерзкий высьол, брошенный истории тракторостроения, плыл в раскаленном воздухе. В цехах СТЗ разгоралась новая сталинградская битва, и все знали, что она, как и все предыдущие битвы сталинградцев, обязательно будет победоносной.

ДАДУТ НАМ РЯДЫ

Я думаю, сборщик Гена Ковалин никогда не забудет этот день в Музее обороны Сталинграда, где хранятся реликвии, связанные с легендарной историей города и бессмертными подвигами его героев. Здесь Ковалин вручил комсомольский билет. Ветеран нашего завода коммунист Савелий Нефедович Карагичев, прошедший своим танковым подразделением от Сталинграда до Вены, сказал, протягивая Гене билет: — Знаю, что у тебя над головой, Геннадий, было от дано нашему заводу навечно — за таких, которыми мы сшибали фронт... Это следы от пуль...

У комсомола Сталинградского тракторного — героическая история. И каждый понимает, какая это честь — быть в его рядах. Недавно мы приехали в союз Валю Петрову. Она мать двоих детей. До этого жила без комсомола: то времени не хватало, чтоб хорошенько обо всем поразмыслить, то силчала, что обойдется и так. Но не выдержала: завла пришла в комсомол. Неритерсно, говорит, стоять в стороне, хочется быть на «быстрине». Да, на счету у нашей комсомолки много интересных, волнующих, по-настоящему больших дел. И когда говорят, что наши комсомольцы — активные участники

всего нового, что свершается на заводе, это не преувеличение.

Например, монтировали в сталеванском цехе первый в Союзе формовочный агрегат. Дело было сложное. Тогда на помощь пришел комсомола — полетели письма комсомольцам заводских поставщиков, замелькали в цехе «молины», появились контрольные посты. И дело пошло — автоматическая линия сдана досрочно.

Как-то на заводе стало не хватать металла. Комсомольцы бросили инициативу: звать металл — во всем! И кончу года в комсомольских рудниках было добыто без малого 400 тонн металлопродукта.

Можно привести много других цифр, интересных фактов. Можно сказать много хороших слов о наших туристских слетах и победах спортсменов СТЗ, о туристско-спортивной самодельности и о том, что девять тысяч парней и девять тысяч без отрыва от работы. Но, пожалуй, выразительнее всего говорит о деятельности заводского комсомола короткая статистическая ведомость: «Прием в комсомол на СТЗ увеличился за последние месяцы более чем в два раза».

Е. ЧЕРНИЦА,
секретарь заводского комитета ВЛКСМ

нилась за это время в тракторном цехе. Михаил Помикарлов, который и поныне является секретарем цехового комитета ВЛКСМ, с увлечением рассказывает о том, как коллектив цеха борется за звание цеха коммунистического труда, как участвуют комсомольцы в походе за технический прогресс, в борьбе с браком, как помогают наладить серийное производство новых тракторов «ДТ-75» в ХХП сельхозу КХС...

— Ну, а Виктор Чурин?

года, в голосе теперь звучит обίδα на товарищей. Даже теперь, признавая, что сам был виноват во многом, ты тут же заявляешь, что не пойдешь на поклон к своим врагам.

Постой, Виктор, подумай: кого ты называешь врагами? Своих товарищей, которые не могли простить тебе недостойного поведения и открыто, в глаза заявили тебе об этом. А ведь только так, и никак иначе, поступают настоящие друзья. В нашем народе издавна живет пословица: «Друг спорит, а недруг подкакивает». И вот за то, что товарищи не потакали тебе, а решили бороться за тебя против тебя, ты завсегда их в свои враги.

Ты сейчас позицию старшего наблюдателя, ни во что не вмешиваясь (хотя мог бы и вмешаться и помочь), тебя не интересует сейчас, что волнует комсомольцев, хорошо или плохо у них идут дела.

Ты видишь, что не все еще гладко получается у Павла Потового, который вместо тебя теперь руководит спортивной работой в цехе. Твой опыт, твои знания людей во многом могли бы помочь Павлу, лишь недавно назначенному заниматься этой работой. И если раньше тебе, как и остальным ребятам, была дорога спортивная честь своего коллектива, то теперь ты с равнодушным видом узнаешь, что на нынешней традиционной эстафете, посвященной 31-й годовщине со дня пуска завода, команда тракторного цеха заняла предпоследнее место. А ведь в прошлом году ваша команда заняла одно из призовых мест. И на первом, самом трудном этапе — 800 метров, на котором, по существу, репался вопрос, добиться ли команда успеха, бежал ты, Виктор.

А сейчас ты даже не пришел на стадион, чтобы «поболеть» за своих. «Меня это теперь не касается...»

Я знаю, у тебя есть мечта, мечта большая и светлая — стать инженером-строителем. Эта мечта зародилась тогда, когда ты участвовал

в строительстве дома, в котором сейчас живешь. Тогда ты отчетливо понял, какая это замечательная профессия — строить дома, помогать людям строить и налаживать их бытовую и красивую жизнь. И я уверен, ты осуществишь свою мечту, станешь строителем. Чего-чего, у тебя в достижении намеченной цели тебе не занимать: не каждый найдет в себе силы вторично по-настоящему учиться в Институте и одновременно заниматься на подготовительных курсах для поступления в институт. Ты нашел в себе такие силы, ты выдержал это трудное испытание. Так почему же не найдешь сил перемолоть свой характер и слова вернуться к общественной работе, вернуться к товарищам, которые тебе ждали?

Мешает учеба? Но ведь ушелся в цехе не один ты, а почти все комсомольцы. В этом году на подготовительных курсах Института инженеров Валей Ермашова, Володи Козлова, Вая Стремлова, а вечерних институтов и техникумов занимаются Вая Хвалюстова, Володя Белицкий, Саша Крючков и многие другие, которых в цехе знают и как друзей, и как активных общественников.

Не нравится общественная работа? Опять-таки неверно. Я помню, как оживился твой голос, как затрещали глаза, когда ты рассказывал мне об истории, случившейся в семье Александровых.

А тебе тогда поручили разобраться в недоразумениях, возникших между молодыми супругами, и удержать их от наметиавшегося разрыва. Тебе, нежному человеку, пришлось выдержать такую работу и чужую семейную жизнь. Верю, что было трудно. Но ты не только не бросаешь этого дела, а довел его до конца, несмотря на многочисленные неудачи и огорчения, сумел найти убедительные слова и доводы, которые привели к примирению супругов. Они благодарны тебе и по сей день.

Мне кажется, что вернуться к товарищам, снова окунуться с головой в кипучую жизнь, снова клячком бьет в цехе, тебе мешает не только застарелая обίδα, но и боязнь, что товарищи неправильно могут истолковать твой первый шаг к сближению.

— Как же я пойду к тем, кто меня критиковал и выказал — спрашивал ты меня в последнюю беседу.

Пойми, Виктор, что и твои сверстники-комсомольцы и старшие товарищи — коммунисты цеха — ни на минуту не выпускают тебя из поля зрения. Они ждут от тебя первого шага. Они замечают даже малейшие изменения в твоем поведении. Недавно в комитет ВЛКСМ зашел один из работающих вместе с тобой в отделе и радостно сообщил:

— Сегодня Чурин первый раз улыбнулся...

Даже такая мелочь не осталась незамеченной!

Так почему же ты, Виктор, не пойдешь вSTRUCTURE товарищам, не докажешь им, что ты все же тот, кто был в прошлом году, что спреданное замешательство, выложив на тебя год назад, теперь уже заслуживает отмены!

Мне хочется напомнить одно древнее изречение, которое неоднократно приводил в своих статьях Алексей Максимович Горький: «Если не за себя, то кто же за чужой? А если и только за себя — зачем я?». Расшифровываю вторую часть этого изречения, Алексей Максимович обращался как будто прямо к тебе, Виктор:

«Если все, что ты делаешь, ты делаешь только для себя, подумай, какой смысл во всей твоей работе, какой смысл во всей твоей жизни. Живи так, чтобы твою сердце обнимало весь мир и чтобы каждый звук в мире, каждая улыбка и каждая горе в нем заставляли бы твою сердце биться радостно или горем».

За последнее время ты, Виктор Чурин, не совершил ничего, что бы пошло на пользу коллективу, в котором ты трудился. Иными словами, ты живешь сейчас по принципу «только за себя». Подумай серьезно, к чему это может привести.

Я уверен, что ты найдешь в себе силы разрушить стену отчуждения, возведенную твоими же руками и отгораживающую тебя от товарищей. И не раз в жизни комсомольца во всей твоей работе, какой смысл во всей твоей жизни. Живи так, чтобы твою сердце обнимало весь мир и чтобы каждый звук в мире, каждая улыбка и каждая горе в нем заставляли бы твою сердце биться радостно или горем».

Желаю тебе успехов.

С Дружеским приветом

Станислав ЕГОРОВ

ЗА СЕБЯ...

ЗАВОДА ВИКТОРУ ЧУРИНУ

— Виктор! — Михаила пожимает плечами. — Работает неплохо, в вечерний институт собирается поступать, в обращении с рабочими стал намного сдержаннее. А в общем, живет он очень замкнуто, одиоко, вроде как на необитаемом острове... У нас в комитете с тех пор не показывается.

Говорит, время заживает любые раны. Но ты, Виктор, как мне кажется, сам бередишь свою рану и не даешь ей зажить. Даже теперь, когда ты вспоминаешь про события прошлого

очень много. Все началось с того, что забрели мы вместе с ребятами во Дворец культуры в комнату, где занимались художники. Посмотрели, походям вокруг много картин, за которыми работали наши заводские парни, и задумались: разве нет у нас в общении любителей живописи? Конечно, есть, и надо им помочь.

Руководитель художественной студии при Дворце культуры Иван Ильич Володькин унаследовал этой идеей и согласился два раза в неделю вести у нас занятия.

Вот так и возникла на дворя одной из комнат нашего объединения неформальная табличка «Искусствие». Появились уже у нас и свои художники: слесарь Володя Мандрынин, сборщик Толя Басалев — в общем, около

двадцати человек. А необычная комната все притягивает и притягивает новых энтузиастов.

Теперь у нас не увидишь скачущих, на лицах которых написана одна лишь мысль: нам бы убить свободное время.

П. ПОДСОНОВ,
член бытового совета
общественности

МОЛНИЯ

*Вы знаете Копылову
механику Кравцову
друзьямишуру Демешкину*

**ВЫ в течении 3-х дней
ЗАДЕРЖИВАЕ ПЕ**
изготовленные детали
НОВОГО ТРАКТОРА
№ 54-29-301-1
КОНТРОЛЬНО-КОМСОМОЛЬСКИЙ ПОСТ
требует
ПЕ МЕДЛЕННОЙ СДАЧИ ДЕТАЛЕЙ

КОН. КО. 20

ТРАКТОРНО-РЕПАРНЫЕ ЗАВЕРСКИ ЗА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ
ДЕТАЛЯМИ ПОСЛАТЬ ЗАКАЗЫ И ЗАПРОСЫ АДРЕС: 344 700
344000 РОСТОВ

3.

Е. РОГОВ

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Уже давно поташен свет, уже сладко поспавшая на соседней кровати младший брат, а Аняру все не спится. Он лежит на спине, закинув руки за голову, и широко открытыми глазами всматривается в густую темноту, окутавшую родную, до мелочей знакомую комнату. Завтра поезд уводит его из Сталинграда. Но стоит ему лишь вспомнить про поезд, как снова перед ним возникает толстое, лоснящееся лицо случайного попутчика по купе, «знатока жизни», как тот сам откомендовал. Аняру даже кажется, что вопи оттуда, на дальнего угла, раздается его надтреснутый, задыхающийся голос:

— Вот вы сейчас пели, молодой человек: «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно». Хорошо пели, с чувством. Голос у вас приятный. Только вот за что вы эту жизнь сами-то любите, понять не могу. О взаимности тем более говорить не приходится. Ведь насколько и узнал из ваших рас-

сказов, в жизни у вас пока один, так сказать, синяки и шишки.

Толстяк смачно обсыпает куриную лапку, выбрасывает косточку в сито и продолжает:

— Школу, говорите, еще не закончили, а на скямью подсудимых угодили. В колонии, насколько могу судить, тоже не было молочных рек и ивовых берегов. Так ведь? Ну освободили, положим, досрочно. Это теперь модно... А дальше что? Не знаете? А я знаю. Да, довелось-таки повидать на своем веку. Хотите, судьбу предскажу? На завод устриваться пойдете, а вам в отделе кадров ручкой покажут: «Мест свободных нет». Сам на кадрах сидел, знаю, как вашего брата уважат... Хе-хе! Люди, говорите, помогут? Юноша, поверьте моему опыту: в жизни далеко не все так, как в лекциях читают. В жизни чистые иногда помогают чистым, а нечистых — в бок ногой, плыви к другому берегу. Искусством, говорили, увлекаетесь? Артистом стать хочется? Эх, молодой человек, молодой чело-

К К П

Н ездолго до обеденного перерыва извозованная Тамара Ингулина разыскала начальника Дмитрия Фатева.

— Беда, Дим! Участок мастера Копылова срывает задание. Третий день пятадесят четвертую деталь не дает и в ус не дует.

— А ты почему до сих пор молчала? — рассердился Дмитрий.

— Да я только что узнала об этом.

— Ну ладно. В первый собирай членов поста, подумай, что делать.

Не успел гудок оборвать привычный шум станочников в небольшой комнате комитета комсомольцев, как одна из девушек стала сходить к членам поста комсомольского поста. Новость, сообщенная Тамарой, забурчала в себе: ведь незадолго до этого комсомольцы чека решили взять под свой контроль изготовление деталей для нового трактора. И вдруг такая неприятность!

— Надо срочно выслушать «молнию», — предложил секретарь цеховая ВЛКСМ Федор Калинин.

— Правильно, — поддержал его Фатева и обратился к станочнице Асе Чемирзовой: — Доставай, Ася, свои краски. Сейчас задание им жару (снимок № 1).

Еще на цеховой доске объявлений появилась тревожная «молния». Она привлекла всеобщее внимание (снимок № 2).

Но если одни одобрили затею комсомольцев, то другие скептически усмехались:

— Повесьте-то повесили, а толку от нее, как от того самого юзла... (снимок № 3).

— Поживем — увидим, — загадочно улыббась в ответ руководитель ККП Дмитрий Фатева.

Наконец, почти перед самым концом смены из кабинета начальника чека вышла торжествующий Федор Калинин и принялся владом с «молнией» только что появившийся приказ (снимок № 4).

Вот это оперативно — удивились рабочие.

А да комсомоло. До самого Богомазова добрался... Теперь и мастеру и технологическому придется бороться за дело по-настоящему!

На следующий день «молния» смолла.

Она была уже не нужна...

1.

2.

4.

Б Ы Е Т Т Р Е В О Г У

вели. Не все может, что хочется, а вам скажу. Это только в кино да в романах так велики... И вот, может, тоже в комсомонты хотел, а в шахтеру попросили и трю-ти; на торфоразработки направили. Ситуация ясная? А в вапелй аплотке почине мого гвоиди наружу торчит. Так сказать, платно на всю жизнь. Да-с! С дешущий, положи, познакомилесь, женитесь надвасте, а сел как узнает, кто вы и что вы, так убежит без оглядки. Ты еще молоды, а же людей протопило знаю, пятый десяток на этом свете, насмотрелся... Вот как на себе все что прочувствуе, тогда жеки помятете. Другие не знают!

Не нашедя тогда Анвар, не сумел ответить толстяку. Да и времена не хватило: поезд пришел в Сталинград, ему пора было выходить. Но разговор этот длился ясна в голове. Нет-нет да и вспоминаю о нем Анвар. И первый раз — когда зашел в отдел кадров Сталинградского тракторного завода. Показал удостоверение товарища первого разряда, ко-

торое получил в колонии, а в ответ услышал: «Ничего для вас сейчас нет подходящего».

Долго тогда бродил Анвар по улицам; домой идти было стыдно. «Вот и обалдел первое порочество толстяка. Неужели он прав и в остальном?» Уже в сумерках встретил недалеко от заводской проходной человека, которому почему-то вдруг, неожиданно для самого себя, рассказывал свою историю. Человеку внимательно выслушал, потом спросил: — Значит, специальная формовочка еще имеется? В чулнотонейный пойдешь? Тогда приходи завтра, оформился...

Анвар даже поблагодарить не успел и имя человека забыл спросить. До сих пор не знает.

А на другой день в отделе кадров ему дали заводской пропуск...

Так начался его новая жизнь... Анвар берет со студа сигарету и тайком чиркает спичкой: мать ее любит, когда он много курит. Но от этой привычки никак не может отучиться: пристрастился в колонии.

Фиолетовым квадратом стало прорисовываться в темноте окна. С рени вместе с парходимым гудком пришел прохладный ветерок и заболтал парную духоту коматы. Огнем сигареты Анвар повертел на часм: «Четверть четвертого... Клев, наверно, сейчас хороший на Волге...»

Но мысли его, разбавившиеся было, словно стал вступать мальком, снова собрались вместе. И снова в темноте понаваало кругло, похожее на разрезанную надвое голуюку голландского сыра лицо толстяка, дождающего курину.

— Нет, не вывел ты на своем веку настоящих людей! — пропел Анвар, мысленно обращаясь к понутчику. — Доведся нам еще раз встретиться, а познамники мы тебе с комсомольцами нашего участка, и ты сам убедился бы, какие бывают на свете замечательные ребята. Хоти нет, а стал бы тебе с ними знакомиться. Ты не стоишь отгол...

Когда и рассказав им про себя, про свою прошлую жизнь, про колонию, они сказали

ВЕЧНАЯ СМЕРЬ ТОВАРИЩА...

— На повестке дня сегодняшнего комсомольского собрания — персональное дело Юрия Галушкина, — объявляет секретарь комитета ВЛКСМ которого цеха Ниналла Бахметов, и в красном уголке, где только что было шумно, перекачывались волны молодого звонкого смеха, стало удивительно тихо. Посерьезнели лица, в глазах многих — недоуменный вопрос: как же получилось, что работающий рядом с ними комсомолец не участвует в общественной жизни, оторвался от комсомольской организации, перестал платить членские взносы?

— Цехом ВЛКСМ решено за систематическое нарушение Устава исключить Галушкина из рядов Ленинского комсомола. Это предложение и выносятся на обсуждение общего собрания, — заканчивает секретарь, и тишина разом взрывается. Отсюда слышатся возгласы:

— Исключить — это самое легкое...

А с Юрием по-настоящему что-нибудь говорил?

— Пусть сам Галушкин нам об всем рассказывает...

Юрий медленно поднимается и, тискло ступая, выходит вперед к столу президиума. Голова низко опущена, большие мускулистые руки крепко сжаты. Вопросы градом сыплются на него, и хочешь — не хочешь, а на них приходится отвечать:

— Да, на выпущенный поручений...

— Не платил взносы, хотя и не раз напоминали...

СТЫДНО ЮРИЮ ВЗГЛЯНУТЬ
В ГЛАЗА ТОВАРИЩАМ.

МОЖНО МНЕ СЛОВО?

— МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ИСКЛЮЧАТЬ ЮРИЯ ИЗ КОМСОМОЛА СЕЙЧАС НЕ СЛЕДУЕТ...

ИСТОРИЯ ЮРИЯ ГАЛУШКИНА
ВЗЛОБОВАЛА И ПАРТИЮ
ОТДЕЛА И. Я. АЛЕШКИНА.

мне: «Забудем об этом, Толка! (они зовут меня Толчком). Самое главное, что ты сам все понял». Они научили меня новой специальности, они заселили в меня веру в людей. В людей, а не в билеты. Слышишь, ты, «сидевший на кадрах»? Ты твердишь, что моей мечте — стать артистом — не суждено исполниться? А я, назло тебе, стану им, я, можно сказать, им почти уже стал... Правда, но певцом...

Вокального кружка во Дворце культуры тракторного завода не оказалось. Анвару предложили записаться в хоровой, но он лишь горестно махнул рукой и пошел по коридору. За дверями одной из комнат он услышал громкие голоса и тихонько вошел. Шла репетиция народного театра СТЗ.

— Можешь, я поспешу, послушать? — робко спросил Анвар руководившего репетицией режиссера Михаила Васильевича Радожина.

— Пожалею, — несколько удивленно ответил тот и снова занялся с артистами.

Но Радожин удивился еще больше, когда

и на второй и на третьей репетиции он вновь увидел немского, крепко сложенного паренюка с большим черным зубом и крупными блестящими глазами, внимательно следившими за происходящим.

— Что, нравится? — как-то спросил режиссер Анвара.

— Очень.

— А не хотел бы ты сам попробовать?

В спектакле «Сын века», который мы сейчас начали готовить, есть небольшая роль, на которую мы никак не найдем подходящего исполнителя...

Когда же закончилась генеральная репетиция и режиссер, заметно волнуясь, спросил у присутствовавших гостей — артистов областного драматического театра — их мнение о постановке, он услышал:

— Били ветераны — Прасковья Мироновна Цаганкова и Александр Иванович Ключков, — как всегда, на вылете. Но особенно свежо, своеобразно сыграна роль Зандаева. Кто исполнил ее?

— Анвар Кашаев...

— Одаренный юноша. С большим будущим...

Так начался путь Анвара в искусство. Два спектакля народного театра СТЗ смотрели за последний год телезрители Сталинградской области: «Свидание у черемухи» и «Вас зовывают Таймир». И в обоих главных роли исполнял Анвар. О его интересной, талантливой игре писала «Сталинградская правда»...

— Что же ты молчишь, «знарок жизни»? Почему теперь не повторить, что лаято в биографии будет моим лучшим торжеством? Я добьюсь в жизни всего, чего ни пожелаю. И песен других ты от меня не дожидешься. Если хочешь знать, я сегодня уезжаю в Москву, в Театральное училище имени Щукина. И на вокзал меня придет провожать Тоня, самая чудесная девушка на свете. Помято? А теперь проваливай, «провидец», и не напоминай больше о себе! Мне пора обираться в дорогу!

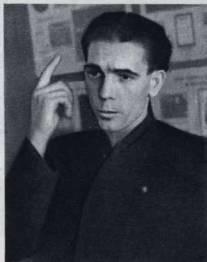

РИТА ФОМЕНКО: А Я ПРЕДЛАГАЮ — ИСКЛЮЧИТЬ

ВЛАДИМИР ДУБИНСКИЙ: НЕ ТОЛЬКО ОДИН ЮРИЙ ВИНОВЕН, А ГДЕ БЫЛ КОМСОРГ, КУДА КОМИТЕТ РАНЬШЕ СМОТРЕЛ!

ВЯЧЕСЛАВ ЛОМОНОСОВ (в центре): ВСПОМНИ, КАК ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ КОМСОМОЛЬЦЫ ЗАЩИЩАЛИ НАШ ТРАКТОРЬИ! РАЗВЕ ТЫ ПОХОЖ НА НИХ!

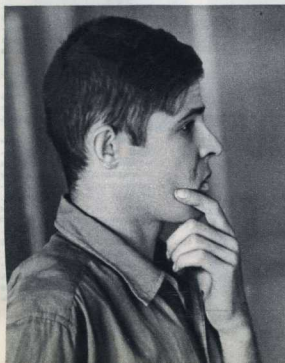

— РАБОТАЕТ ОН НА ПРОЗВОДСТВЕ ХОРОШО?

— С ПОЛНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗАВЯЖУ: ХОРОШО.

— ОТРИЦАТЬ НЕ МОГУ: ВО МНОГОМ ВИНОВАТ ГАЛУШКИН, ЗЛОРОВО ПРОПОРТАФИЛСЯ...

— ЕСЛИ МЫ ВСЕ ВМЕСТЕ ЕМУ ПОМОЖЕМ, ТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ОН СТАНЕТ ПАРЕНЕМ!

Но вот Володя Чуманов спрашивает: — А ты сам, Юрий, хочешь остаться в комсомоле? Зал притих. Галушкин поднимает голову, обводит взглядом присутствующих. Более ста глаз с напряженным смотрели на него: «Что же ты, Юрий, ответишь?» Слово надрыло, в памяти Юрия замелькали картины прошлого: война, смерть родителей, детдом, вступление в комсомол... «Будь достоин!» — говорил тогда ему секретарь райкома, вручая комсомольский билет. Нигде не расставаясь с этой небольшой иконкой Юрия Галушкин: ни в ремесленной училище, ни в армии. А теперь отдать ее?

Глухо звучат слова Юрия: — Хочу остаться... Горничин, взысканными были выступления комсомольцев Алексея Раздабидина, Риты Фоменко, Ивана Васюткина, Виктора Соболева, Владимира Дубинского, Вячеслава Ломоносова и многих других. Немало гневных слов пришлось выслушать от них Юрию. Одни поддерживали решение комитета, другие — и их было большинство — предлагали не торопиться, дать возможность Юрию исправиться. Больше часа обсуждали комсомольцы моторного цеха поведение Юрия Галушкина. И в конце концов постановили: за проступки строго наказать, но в комсомоле оставить.

ЗАДУМАЛСЯ ЮРИЙ: КАК ЖЕ ЕМУ ТЕПЕРЬ ЗАВОЕВАТЬ ДОВЕРИЕ КОМСОМОЛЬЦЕВ?

КУЗНЕЦ

В. ФРОЛОВ

— Воды!

Печи палат так, будто задумали растопить все вокруг. Душно в цехе. Термометр показывает семьдесят градусов.

Каждые пять минут кузнец или нагревательщик выплескивают на пол ведро воды. Но через минуту-другую пар минут все испаряется. И все-таки дышится после этого легче: воздух не так сух, не так жжет гортань и легкие.

— Воды!

Когда за дверью кузницы июль с 35-градусной жарой, вентиляция теряет свою силу. Спасительницей в такие дни становится вода. Холодная. Живительная. Несколько стаканов подсоленной воды — и жажда уже не столь гнетуща, а десяти, нет, сотни ведер, вылитых вокруг, — и дышать легче.

— Воды!

Подручный стремится переключить оглушающий грохот ударов молота. Черное, загоревшее у печи лицо. На нем недоумение.

— Почему нет воды!

Рука лихорадочно крутит кран водопроводной трубы. Вода не идет!

— Что произошло! Почему нет воды!

Вскоре все выясняется. Случилась авария. Неподающему от завода лопнула труба. Лопнула так, что кинжальная струя воды разлилась вокруг котлован глубиной метров в сорок.

...На месте аварии кипит работа. Аварийная бригада перекрыла воду. Теперь надо как можно быстрее починить трубу. Воды каждому ясно, что завод без питьевой воды все равно что без воздуха!

Особенно трудно в кузнечном цехе. Можно, разумеется, подождать, пока устранят повреждение. Но тогда придется остановить молоты...

Кузнец бросает испытующий взгляд на своих помощников — подручного и нагревательщика. Лица у них решительны. Такие не отступают в трудную минуту. Такие не сдаются. Они продолжают работу. Словно ничего не случилось. Словно для них вода — сущий пустяк...

...Нагревательщик вынимает из печи заготовку. Раскаленная добела, она падает под молот. Шесть

быстрых ритмичных нажимов на педаль. В ответ: «Тук, так-так, так-так, тук...» Шесть таких же ритмичных ударов молота. Заготовку подхватывает подручный. Его дело — обрезать излишки металла. Затем еще завершающий удар, и деталь будущего трактора готова.

«Все это длится буквально секунды. Полторы тысячи заготовок проходят за смену через руки рабочих. И каждая из них обдает кузнеца гнетущим жаром. Так и тает по привычке крикнуть: «Вот!»

«Но сегодня вода на вес золота. Вот сейчас только вылили один стакан, разделяя его поровну на троих. Во рту пересохло.

«Одна за другой из рук в руки передаются заготовки. Растет число щипков, наполненных готовыми деталями. Уже выполнена норма рабочего дня. А кузнецы все с той же энергией обрабатывают деталь за деталью...»

***

«Кто же они, эти трое, перевыполнившие в полтора раза норму даже в столь сложных условиях? Биографии их незамысловаты. И во многом одинаковы. Школа, ремесленное училище, завод, служба в армии. И снова завод. Что тут, казалось бы, романтичного? Но привлекается по-настоящему к этим простым людям.

«Вот один из них. Старший по опыту и по званию. Бригадир Павел Шиповский — невысокий крепкий, настоящий богатырь, с волевым и очень добрым лицом...

«Работа на тракторном стала традицией в семье Шиповских. Уже четверть

века трудятся на заводе брат Паула — Алексей. И хотя сам он слесарь-модельщик, Алексей всегда необычайной теплотой рассказывал братишке о кузнечном:

«...Истинное сердце заводов — это кузнечный цех. Там, браток, сильные люди трудятся. Слабому духом туда лучше не соваться!».

Выслушав брата, Паула убежал на Волгу купаться. На обратном пути так и тащил заглянуть в кузницу. Он видел сильных людей в черных комбинезонах. Слышал, как огусливаются быют молоты по накалованным. Уме тогда его мальчишеский слух улавливал, что каждый молот поет свою собственную песню, оббивает свой собственный ритм, не походящий на ритм других. С особым восторгом глядел мальчуган на кузнеца, работавшего на самом огромном молоте, удары которого заметно перекрывали удары остальных.

«Вот бы и мне так», — думал Паула.

Да еще мальчишкой полюбил Павел профессию кузнеца. Не головой, а сердцем. Сердцем, жаждавшим романтических подвигов. Не случайно, когда мальчуган пришел впервые в ремесленное училище, на вопрос: «Кем хочешь быть?» — он, не задумываясь, ответил:

«Кузнецом!»

Иза-за стола поднялся человек пожилой мастер Яков Ильич Чикашин, седой, с огромными усами. Он ушел с завода на пенсию. Но не сиделось дома неугомонному старику. Подался в ремесленное обучать ученикам будущего рабочего. Строго и ласково оглядел Яков Ильич Паулу:

«А знаешь, что специальность кузнеца не любит лентяев и белоручек!»

«Знаю», — твердо сказал Паула.

«Ну что же», — мастер потянул его по плечу. — Тогда, как говорится, за дело. Сделаю из тебя кузнеца!»

И сдержал свое слово старший мастер. Через два года Паула переступил порог кузницы, с воинственным предельным документом, в которых значилась его профессия: кузнец свободнойковки.

Недолго проработал он награвельщиком. Через пару месяцев стал кузнецом-бригадиром. Потом был призван в армию. Вернулся снова в родной цех уже своим человеком и был назначен молотником на самых мощных в «Лесной кузнице» трехтонный 47-я молот — тот самый, о котором мечтал еще в детстве... Так сбылась мальчишеская мечта Паула Шиповского. Он являлся туда, где труднее, где о большем всего нужен. И нашел свое место в жизни.

«... Погоди. До гор еще далеко. Подруги моего, сработаться, чтобы все трое действовали, как один механизм. Это не так то просто...»

А через несколько дней начался проект из высокогорного, худощавого, застенчивого, как девочка, Владимира Аброскина.

«Вот решайте. Простите и нам в бригаду. Кочет подручным быть. Иначе работать с завода уйти... Работать то еще как следует не умеет. Но желание есть...»

«Образование? Какое? Подождем вас!» — берите...»

Они долго молчали. Павел думал: «Вот тебе и горы воротить! Парня-то учить вынуждено надо!» Прервал вынырнув Хоружий:

«Ну, если уж он так хочет работать на нашем молоте, придется взять.»

До гор действительно недалеко. Поначалу даже норму не всегда выполняли. И все из-за Аброскина. Поставил неудачно мартуш под пуансон, загнул биту, и хотя паула — подлая — простоя обеспокоен. Паула не раз подымался отругать подручного, высказать ему все, что накопилось на душе. Однако сдерживался. И удавалось: отсюда беретса Хладнокровие у Хоружего!

«То — словно ничего не произошло» — спохватился Хоружий, в чем ошибка, пошутит, улыбнется. Потом ответ Паула в сторону.

«... Ты не очень на него надевайся. Он парень старательный. Подожди — научится и отличным подручным станешь...»

Так они и работали. Очень разные люди. Шиповский — выносливый, неугомонный, но так требовательный. Хоружий — душевный, отзывчивый, готовый

«... Когда Павел вернулся из армии — а было это в 1958 году — Хоружий уже работал на 47-м молоте награвельщиком. Позналились они на рабочем месте. Паулу понравилась открытое лицо парня, богатырский вид, душевная манера разговора. Кузнец и кузница — это так можно горы сорвуты!» — сказал Павел мастеру чеха.

«... Человек не может, не должен оставаться один. И ни в чем и в пещере, и в нем — и его друзья, товарищи, которые вместе с ним радуются его успеху, ободриют, поддерживают.»

Посмотрели на сияющего этого ребята поздравляли Валерия Андреева, подручного старшего в наемной бригаде Парты Пруды, парня, который был неметаллургической командой. Но сейчас его чествуют не за успехи в пещере или на спортивной площадке. Наш бригадир, как с легкой руки дедачт прозвали в цехе Валерия, окончил авиарюношеством и, дав последние экзамены, прежде всего привлекательности радостно на завод.

И мы все радовались вместе с ним, а сейчас выматривать следил за тем, как Валерий, как с легкой руки дедачт прозвали в цехе Валерия, окончил авиарюношеством и, дав последние экзамены, прежде всего привлекательности радостно на завод.

И мы все радовались вместе с ним, а сейчас выматривать следил за тем, как Валерий, как с легкой руки дедачт прозвали в цехе Валерия, окончил авиарюношеством и, дав последние экзамены, прежде всего привлекательности радостно на завод.

«... Хорошо, доброе слово молотом сотворить чудеса особенно, если оно сказано от всего сердца.»

Помню пришла и нам на змеявельский участок поздравить Надю Бригадиршиной, вышедшая девушка. Работала хорошо. Но имла замечную особенность. Посмотрели мы ее учетную карточку, пришла из деревни, образование десять

«... всегда прийти на помощь любому человеку. Аброскин — сестрица и выныривает и становится мягкой... Может быть, именно то, что они так разные, в какой-то мере и помогло их сближению. Они допознали друг друга. Всегда и везде они бывали теперь вместе. В чем-то вторили друг другу — балку — тоже. В туринские походы — снова вместе бригады. Решили стать дружинниками — и опять вместе. И так далее...»

«... Дать семи их подружкам. Тут началось с прошлого. Еще в 1958 году у Аброскина родился сын. В честь второго ребенка он ожедал подарок. В него была вложена записка: «Плока была непонятно подручному, зато частившему отцу. Трудовой, Володя, теперь за двоих!» Главное — не порти матрицы!»

Шли дни. Бригада, ничем не выделявшаяся прежде, вышла в передовые. С нее уже брали пример. А дружба кузнецов крепла, как крепнут мускулы при умелых спортивных тренировках. И когда Хоружий был в Аброскину предлагали перейти на другой молот, самим возглавить бригаду, они отвечали одно и то же:

«С 47-го мы инкуды. Мы всегда вместе, всегда вместе!»

***

«... Движение за звание Бригады коммунистического труда началось на Сталинградском тракторном в тяжелой кузнице. Первой это почетное звание завоевала Бригада Николая Брызгунова.»

«... А мы то, хуже Брызгунова! Не можем, что ли,

«... Человек не может, не должен оставаться один. И ни в чем и в пещере, и в нем — и его друзья, товарищи, которые вместе с ним радуются его успеху, ободриют, поддерживают.»

Посмотрели на сияющего этого ребята поздравляли Валерия Андреева, подручного старшего в наемной бригаде Парты Пруды, парня, который был неметаллургической командой. Но сейчас его чествуют не за успехи в пещере или на спортивной площадке. Наш бригадир, как с легкой руки дедачт прозвали в цехе Валерия, окончил авиарюношеством и, дав последние экзамены, прежде всего привлекательности радостно на завод.

И мы все радовались вместе с ним, а сейчас выматривать следил за тем, как Валерий, как с легкой руки дедачт прозвали в цехе Валерия, окончил авиарюношеством и, дав последние экзамены, прежде всего привлекательности радостно на завод.

«... Хорошо, доброе слово молотом сотворить чудеса особенно, если оно сказано от всего сердца.»

Помню пришла и нам на змеявельский участок поздравить Надю Бригадиршиной, вышедшая девушка. Работала хорошо. Но имла замечную особенность. Посмотрели мы ее учетную карточку, пришла из деревни, образование десять

«... всегда прийти на помощь любому человеку. Аброскин — сестрица и выныривает и становится мягкой... Может быть, именно то, что они так разные, в какой-то мере и помогло их сближению. Они допознали друг друга. Всегда и везде они бывали теперь вместе. В чем-то вторили друг другу — балку — тоже. В туринские походы — снова вместе бригады. Решили стать дружинниками — и опять вместе. И так далее...»

«... Дать семи их подружкам. Тут началось с прошлого. Еще в 1958 году у Аброскина родился сын. В честь второго ребенка он ожедал подарок. В него была вложена записка: «Плока была непонятно подручному, зато частившему отцу. Трудовой, Володя, теперь за двоих!» Главное — не порти матрицы!»

Шли дни. Бригада, ничем не выделявшаяся прежде, вышла в передовые. С нее уже брали пример. А дружба кузнецов крепла, как крепнут мускулы при умелых спортивных тренировках. И когда Хоружий был в Аброскину предлагали перейти на другой молот, самим возглавить бригаду, они отвечали одно и то же:

«С 47-го мы инкуды. Мы всегда вместе, всегда вместе!»

«... Движение за звание Бригады коммунистического труда началось на Сталинградском тракторном в тяжелой кузнице. Первой это почетное звание завоевала Бригада Николая Брызгунова.»

«... А мы то, хуже Брызгунова! Не можем, что ли,

МАМА
ДЬВУШКА

СОВЕТСКОМУ РАБОЧЕМУ ИЗ ОТНОШЕНИЯ К ТЕБЕ С
СЕРДЦЕМ И ДУШЕЙ ПОЖЕЛАЮ УСПЕХОВ В
ВАШЕМ РАБОЧЕМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДЕЛЕ

показать настоящий класс работы!

И как-то после смены Павел Шиповский рассказал друзьям, в какой обстановке привел он однажды польских кузнецов. Случилось это, когда Павел служил в армии. Построил их однажды командир:

— Ну, ребята, надо помочь польским друзьям. Кто из вас работал на заводе?

— Я работал,— сказал Павел.

— Кем?

— Кузнецом.

— Ого! Как раз то, что нужно. Срочно составил бригаду. Поедешь в Кранов, на завод. Надо помочь выполнить срочный заказ...

По две нормы за смену выдавал тогда Шиповский. И когда через полтора месяца заказ был выполнен, красивые кузницы на руках вынесли Павла из цеха.

— Bravo!

— Кузнец-прима!

Восторгом не было конца.

Павел закончил рассказ. И тут же добавил:

— Покажем Бригунцову, что мы тоже не лыком шиты.

И бригада взялась за дело. Сложно, конечно, в уже основательно продуманной трудовой процесс, где главное — все-таки руки кузнеца, внести разлик усовершенствования. Зато в мелочах, в деталях кое-что улучшить можно. И в «Легкой кузнице», по примеру бригады Бригунцова, придумали новую конструкцию матрицы, обрезавшей облой на самых сложных рычагах не в два приема, а в один.

Продуктивность сразу заметно возросла. Павел занялся уже, казалось бы, совсем мелочами. Например, усовершенствована матрица, в которую складывается готовая продукция. До последнего времени все готовые детали приходилось отбивать от молота вручную. Тяжело и неэкономно.

Шиповский придумал новую конструкцию тары. Ее — уже с помощью подъемного крана — в несколько случих можно перенести в нужное место. И просто и удобно...

Словом, теперь бригада трудится не только руками, но и головой. И тому же немало сил и времени отнимала учеба в экономической школе, созданной при кузнечном цехе, и на курсах трактористов. Находились и такие, кто недоумевал: почему плачешь: зачем, мол, кузнецу права тракториста? Шиповский, Аброськин и Хоружий отвечали им:

— Мы же тракторы делаем, а не бойки машины. Мы хотим рассчитать для наших тракторов. И разве можем мы не знать, для чего этот рычаг, для чего тот? Вот познакомились с ними в работе, почувствовали, что и чему, и в своем труде стали относиться иначе. Теперь трудимся не вслепую —

лишь бы что-то делать. Знаем, какие требования предъявляют трактористы к изделиям, и стараемся выковать их такими, чтобы тракторы работали с максимальной отдачей...

Таковы эти трое рабочих парней. Они действительно Кузницы с большой буквы, заботящиеся не столько о своей славе, сколько о качестве выпускаемой ими продукции.

Истакт, о славе, Кузницы народ прямой, откровенный. Они поклоняются уменью кузнеца, но признают только такую славу, которая завоевана честно, без демагогии.

Был в «Легкой кузнице» Сталинградского тракторного завода филиалы Минченко. Когда-то он работал подручным у Шиповского. Многие переня у него. И в общине стал уметь работать. Стал ставить рекорды. Однако загруженность у парня голова. Сегодня работает с лентой — обычный середнячок. Зато завтра выдет столько продукции, что кузницы только головами качают:

— Ну и здоров, чертня. Что ни задумает — своего добьется!

Усомнился однажды мастер в достоверности поданной кузнецом сводки. Проверил. И что же! Оказалось, что приписал кузнец себе лишних пятсот деталей.

— А что тут страшного! — оправдывался он. — Застрял бы я в записке на пятсот меньше.

— Зачем же людей обманывать!

— Просто хотел доказать, что могу сделать то, чего не могут другие!

Ни слова не сказали кузницы любительно «рекордов». Просто отвернулись и ушли прочь. И тому стало стыдно. Нет, не покаялся он перед товарищами. Не извинился. Видно, сильно гордится званием. Предпочел уйти с завода. И с кем не простился. «Сбежал», как трус...

Нет, не о такой славе мечтает Шиповский, Аброськин и Хоружий. Они комсомольцы, а Хоружий недавно вступил в партию. Они не требовали к себе особого отношения. Они радуются в своей кузнице. Таков, как все. Их путь был прав потому, что был честен. Труд оказался успешным, ибо опирается на их рабочую смекалку, на самую надежную в мире рабочую совесть.

...23 марта у всех троинок был праздник. В этот день их необычайно тепло поздравили в цехе. Жены встретили дома каждого с букетом цветов. Потом сели за общий стол, и первый тост провозвучал от имени кузнецов:

— За новую бригаду коммунистического труда! За вас, дорогие Паша, Володя и Алеша. Вы доказали, что можете беззаветно трудиться на благо своей Ро-

дины. Недаром вашу Бригаду зовут в кузнице «Бригада друинок». За вашу дружбу, дорогие кузницы!

* *

В этот день они пришли в цех раньше обычного. Все трое... Недолго издал бригаду Шиповский: развернула соревнование за право называться бригадой имени XXII съезда партии. Потом они решили вызвать на соревнование одну из бригад Челябинского тракторного. Написали об этом в Челябинск. И накануне пришел ответ: «Вззов принят. С бригадой Шиповского будет соревноваться одна из лучших кузнечных бригад Челябинского тракторного — бригада Николая Чернышева...»

— Что же, у нас, как в спорте, чем сильнее соперник, тем интереснее соревнование! — улыбаясь, сказал перед сменой Павел Шиповский.

— И надо же было случиться этой аварией с водой... В такой день. Когда уже началось заочное соперничество. Когда каждая деталь, каждый процент выработки могут оказаться решающими в их трудовом споре.

Но разве жизнь не причудлива и брат все с боя! И они работают, как будто ничего не случилось. Только что поделили они стакан воды. На троику — поровну. Теперь так же поровну делит тяжесть нелегкого кузнечного труда.

Шиповский заметно устал, уже начал сбиваться с привычного для него ритма. Аброськин инстинктивно Хоружему занять свое место подручного. Сам становится к молоту. Теперь он будет выполнять обязанности кузнеца. Шиповский, стоя у печи, станет на время нагревальщиком.

Еще год назад такое не приходило в голову. Никто не задумывался, какую огромную пользу может принести взаимозаменяемость у кузнечного молота. Теперь это уже обычно. Поработав часами в ночную смену, кузницы немного отдохнут, а затем с новой энергией принимаются за дело. Аброськин и Хоружий отлично освоили смежные профессии. Ныне они уже не только помощники Шиповского, но также же умелые кузницы, как и он.

— Тук, так-так, так-так, тук! — ритмично отбивает свою песню 47-й молот.

Если посмотреть вверх, увидишь, как колыхается напорный влагод воздух. Слово масса рудячков раздвигалась под сводом кузницы. А внизу душно и жарко. Огонь испарил весь влагу вокруг. Он плавит металл.

Но огонь не в силах одолеть людей. Побороть вдохновенно и творчески пыл трех рабочих парней, трех кузнецов с подлинным, естественным несущим свою предельную высоту...

ВЕЩЕПОМ,

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Деловито пробасил над по-селком гудок. Из-под заводской арки на огромную площадь вы-плеснулся поток рабочих Ста-линградского тракторного.

Былочкалась смена. Позади напряженный трудовой день, наполненный большим делом, горячим энтузиазмом, творче-скими поисками. Впереди — заслуженный отдых.

И вскоре из раскрытых окон заводского Дворца культуры поднялся напев русских пе-сен, задорные танцевальные ритмы — начались развлечения. На беговой дорожке стадиона «Трактор» замелькали разно-цветные майки легкоатлетов, неторопливо поплыли по волне-стой глади беломрамельные яхты, стремительно помчались бы-строходные скутеры — скоро заводская спартакиада. Много-людно и на маленьком речном трамвайчике пересаживающем Волгу. Здесь и туристы, собрав-шиеся в очередной поход, и задлые рыбаки, которые спешат не пропустить вечер-ний клев. Многие же едут без какой-либо определенной цели: просто хочется еще и еще раз полюбаваться на замечательную красоту волжского разлива, подышать удивительно свежим, ароматным речным воздухом...

Фотоиллюстрации к мате-риалам о Сталинградском трак-торном заводе выполнены фо-токорреспондентом Виктором САККОМ.

Юрий НАГИБИН

Из цикла марокканских рассказов

Дурной глаз

Широкая серебристо-пальмовая площадь четко делит Касабланку на новый и старый город. Больше небоскребы, уходящие в ярко-синее небо, гадят свысока на маленькие, тесно сбитые домики медины. Из медины в сверкающем витринах кафе, расположенных в нижних этажах небоскребов, прибегают арабские мальчишки поглазеть на туристов, поклянчить сигарету или денежку.

За столиком кафе, если смотреть с площади, всегда видны направленные на медины фото- и киноаппараты. Туристы подстерегают здесь арабов в национальной одежде, арабских женщин с мадагаскарцами за спиной, юнгов и пожилых велосипедистов в джебеле, шадре и бабушках. Фотографировать в медины почти невозможно. Мусульманская религия строгойше запрещает воспроизведение человеческого облика в рисунке, скульптуре или фотографии, и арабы энергично протестуют «глазу».

...Этот рослый, скамповидный турист пытался фотографировать на площади, перед кафе. Сидящему на лоб легкой фетровой шаде с френч-студии ДАМ прохладно, он выламывала свое туловище, встало кося, тяжело нависшие клочьятый пиджак и серые брюки, стараясь поймать в объектив стайку арабских ребятишек. Он присаживался на корточки, крася, сонувался, пыл прядкирем автобуса, чтобы сфотографировать из-за угла, изгибался с неповоротливостью только что отобавившего удана, пытался накрыть их врасплох. Ребятишки были начеку и мгновенно раздвигали хитроумные маневры туриста. Только он подползла впаде к затвору, как они разом переманивали через задернувшую окладку стеной домца, а еда он отнимал аппарат от глаза, показывая над краем ограды свои смуглые смеющиеся мордашки.

Конечно, они боялись «глаза», но больше тут было ирре, притом игры на грани издевательства. Когда турист терпел их из виду, они сами напоминали о себе громкими криками: «Американо! Американо!» Но американский турист то ли не догадывался, что над ним смеются, то ли не считался с этим.

Нетрудно было понять, чем вызвано его упорство. Ребятишки были очень живописны, в своих ярких лохмотьях они напоминали восточные птиц. Словно бы заныть был теменожил, как негротоло, мальчи с бритой головой, на которой курчавился один только

черный локон. Мальчишек-мусульман обрезают в восьмилетнем возрасте. А что, если бы приловит малыша до свершения обряда, как отпачить его от неверного? Для того и оставляют на стрижке макушке витой хохолок. За этот хохолок возмает его пророк и перепачтат в райские кущи, куда доступ открыт лишь правверным.

Турист не был пророком, и ему никак не удавалось «ухватить» ни вальдады хохолока, ни его быстрых товарищей. И тут к зрителям еще одного участника игры. В некотором отдалении от хохлатого арабочка и его притягивал слонахас, опираясь о высокий самодельный костыль, мальчиш лет одиннадцати-двенадцати, облаченный в запыленный взрослый пиджак, дождивший ему до голяк комки. Одна нога его была калачной: тонкая, с кривой, толстой, будто распущенной ступней. Узкое, бледноватое, темноголозо лицо смотрело чуть вбок, отворачиваясь от остро надернутого костылем пальца.

Парнишка, которого так жестоко стязала судьба, тоже боялся дурного глаза. Как только турист выцеливался фотоаппаратом на стайку ребятишек, он с испуганным видом кovala прощ. Затем опять возвращался назад, в поле зрения аппарата. Но туриста вовсе не интересовала калека, он досаждал отворачивался, и хромой мальчиш тише пытался его замечать, выставляя пальчик свой жалкий облик. Ведь он был ребенок и, как Аргюте дети, хотел участвовать в игре, хотя, чтобы его пустили стеклянным оком объектива, стоило спастись от «глаза», испить водичку стриж и радость избавления.

Мой товарищ, художник, медленню поднимая из-за столика — мы сидели под крыше-тошкетом летнего кафе — и пошел к выходу. По движению его локтя было видно, что он заводит кинокамеру.

Наверное, хромой мальчиш что-то понял, те-пер он понору стоял в сторонке, с грустновзвиставым выражением смотря на улепетывающую стайку и с каким-то стыдливым упреком — на туриста. Он не сразу заметил, что художник наехал на него кинокамеру, а затем, не сразу поверив этой чудесной угрозе. А затем «с тонким, радостным криком метнулся за фонарный столб».

И тоже вышел из кафе и взял его под объектив «Федды». Каким чудеса происходило, когда требовалось от мальчишки, чтобы избежит двойной опасности! Он проворно кovala на своем костыле, порою припадал к земле, чтобы тут же вскачь, он ругался почти всерьез, грозя даже кулаком, торжествующе смеялся, задыхался от усталости. Он жил.

В пальмовой роше

Его ладоны заглубили, затвердели, обмозолились от мотыги. Глядя по плечам детей, он не чувствовал своего прикосновения. Раскуривая трубку, он держал в ладоных уголке и не ощущал его. Но когда под его ладоными оказывался ожег. Но когда под его ладоными оказывался его корявенькие волосатые шкура, он так остро и трепетно ошупта ее шершавость, сухость, ее живую теплоту, словно с ладовой содранной кожей.

Он медленню отнял руки и подвинул с землей мешок, набитый деспяме. Отлеп мелкими дельтами, там не было монеты достоинством больше одного дирхама. И все же этих маленьких монет достает на сегодняшнюю покупку. — Так сколько она дает? — проторовила он хрипло и потупил свое восьмилетнее глаза. В который раз задавал он этот вопрос, и ему было стыдно, что он опять спрашивает.

«Четыреста килограммов», — покорно ответил продавщица и вдохнула.

Это была стеганый, помный челошек в белой джебеле, белой шадре и розовых бабушках. Его тяжелый, толстый подбородок покоился на груди. Ботач, — в пальмовой роше, где шел турку, ему принадлежало около полсотни ладонистых деревьев, — он шлолка бы не ввязался в эту утомительную историю, если бы деньги не попадались так срочно. Смы до последнего дня скрывал от него, что женится; сейчас надо платить выкуп, а он всю наличность вложил в оборот. Ему-то хорошо известно, что араб не купит самой малости, пока не вымотает из тебя дулю.

Но и волнение старого крестьянина легко понять. Сколько лет копил он эти деньги! Сколько мешков с пшеном для чистой медной посуды перетаскал он на марракешский базар, сколько ковров соткал его жена и дочери, сколько турду вложился вся семья в красноватую, скупо на благородстве землю, чтобы монетка за монеткой собирать эту сумму! Рис, лешенка и тминный чай в будни и праздники, рис, лешенка и тминный чай в тревожные ночи рамадана, когда истомленному дневным постом человеку кусок мяса — что в жажду глоток воды. Рис, лешенка и тминный чай — никто его не знал и его дети, лишь только искало молоко в материнской груди. Но теперь пойдет назад живящих детям будет молоко, восточный — мясо. Продавец умилился. В эту минуту он не понимал, что взял с крестьянина

хорошо плату, он чувствовал себя благодетелем.

— Четыреста килограммов в год дает она сейчас,— проговорила он расстроженным голосом.— А подрастет, будет давать еще больше. — Я, кажется, не спрашивал об этом! — огрызнулся крестьянин.

Продавец достал шакаловый платок и вытер лицо. Солнце палило нещадно, а зеленые зоты высоких пальм почти не давали тени. И тут крестьянин, внезапно рывнувшись, с такой силой ткнул в грудь продавцу мешок с монетами, что тот пошатнулся. Обхватив тяжеленный мешок руками, продавец укоренившись посмотрел на крестьянина и пошел к своему мезу. Он хорошо разбирался в амадах и знал, что не надо пересчитывать эти счастливые-пересчитанные деньги.

Крестьянин нетерпеливо и злобно смотрел ему вслед, перемываясь босыми, в коросте, ногами. Продавец приторчал мешок к седлу, уткнул толстым животом на спину невысокого, крепкого мула с ношей, зеркально блестящей шерстью, закинул ногой на одну из лап, с трудом выпрямился и затрусил к шоссе, ведущему в город.

Как только он скрылся из виду, выражение лица крестьянина переменилось: оно стало нежным и детски радостным. Он снова обнял у теплое, шершавое, волосенное, что теперь безраздельно принадлежало ему, и с его тонких, сухих губ слетели слова, которые крестьяне всего мира обращают обычно к короле: «Кормилица!.. Полицца!».

Он обнимал, гладил и целовал шерстистый ствол молодой финиковой пальмы.

СОКРОВИЩЕ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРЦА

Мы осматривали королевский дворец в Фезе, тесную систему дворцов, являющую единий складочный ансамбль. Прелесть этих сооружений не в их строгости, несколько однообразной архитектуре, а в мозаике, украшающей стены, полы и потолка трювных залов, покоев, дворцовых мечетей. Какая изобретательная фантазия породила многообразие этих сложных, никогда не повторяющихся узором, это дивное сочетание красок, то глухих, то ярких, то кричащих, то нежных, но всегда гармоничных!

И все же холодное веяло от мозаичного чуда королевских покоев. Я поймал себя на том, что пытаюсь высмотреть в приглушенном сочетании ромбов, квадратов, прямоугольников изображение живого существа: человека, зверя, птицы, рыбы. Типичный труд: не только образ человека, но и образ всех дышащих существ изваяна мусульманской реалией из орнаментов и узоров.

Я усаживался за спиной позвякивающие ключей. Наша туристская группа, ведомая смотрителем королевских покоев, уже перешла в другой зал, и дворцовый сторож, перемывшись с ноги на ногу, ждал, когда я выйду, чтобы запереть дверь.

Это был старый негр. Тусклое, вялое тело, обернутое в какую-то грязную серую тряпку, кохмалось на тонких, потрескавшихся, как черенок, в засуху, босых ногах. Огромное угловато-черное лицо под грязной шапкой было изрезано ослепительными нитями иголками торчал седые волосы. Анатомические кровава бежки и желтоватые острые зубы придавали ему сходство с алоодеом из детской сказки. Но сейчас, утомявшись божественной прелестью, спрятавшийся вокруг меня своей пышной и холодный праздник, я с невольной симпатией задержался взглядом на жутковатой фигуре дворцового сторожа.

Он радостно оскамли свои желтые халмы и протянул мне тонкую, из чешуйного табака сигарету. В ответ я уткнулся в «абако», и мы вместе выжидали в сад покурить.

За высокой галлобитной оградой, окружающей сад, в пыльном небе буйствовало солнце, а здесь, в тени апельсиновых деревьев и финиковых пальм, царил свежест и прохлада. Крутые осы, свесив тиринные хвосты, жуужали над землей, а клумбы, журча родник, выбрасывая тонкую серебряную струю из камней чашки. Меня удивило множество бедно одетых арабов, нелепо как отутюженных в королевском саду. Они бесцельно, сидя на корточках, разговаривали и клумбам, журча родник, выбрасывая тонкую серебряную струю из камней чашки. Меня удивило множество бедно одетых арабов, нелепо как отутюженных в королевском саду. Они бесцельно, сидя на корточках, разговаривали и клумбам, журча родник, выбрасывая тонкую серебряную струю из камней чашки.

Внезапно из травы возник маленький человек в коротких желтых штанах и куртке халятке, с белой бородой, растущей из шеи как у коровьих шкиперов. На плече у него висела сумка, голые до колен ноги были запорошены красноватой пылью, видимо, он пришел издалека. Издав нежный, птичий возглас, человек кинулся к дворцовому сторожу.

Своими маленькими ручонками он тискал огромную ладонь старого негра, отстранялся от него и алоодево разглагольствовал озабоченно оспой лило. Затем, подтянувшись на носках, он стал целовать негра в щеки, в губы, в пальцы и вновь обдаивал его так, будто не выдал в мире ничего краше. Он призывал жеман и других арабов разделить его восторг, его радость. Арабы примимоще умбалили и кивали головами.

В саду появились наши туристы во главе со смотрителем королевских покоев, выходящая шиква обласкивала гиду. Высокий, сухощавый, испанский чувства собственного достоинства, он был одет в национальную арабскую одежду, но при галустке и в замшевых туфлях. Строгим голосом он призывал за что-то выговаривать старому негру, и пока он читал свою нотацию, все арабы, а том числе и маленький человек с козлиной бородкой, неприемно растерялись в зарослях сада.

— Что он говорит? — спросила по-английски механика нашего автобуса Бранма.

— Ругается, что тот пускает в сад посторонних...

Выговор, сделанный старому негру со строгим ироничным произношением, не имело никакого впечатления: он будто вспомнил о прелесть сада, наслаждаться которыми незаконно допустил малых мира сего. Дважды сорвавшись, он нелепо вскарабкался на каменную ограду, отломил три апельсиновых веточки, легнул и слядо пахучице, и вручил их трем женщинам нашей туристской группы. Гид с сильным видом отнесся к этой галантной выходец, но промолчал.

Мы двинулись дальше, с ближайшей клумбы старый негр сорвал для наших женщин три белых, прозрачных амада. В розарии он выбрал три самых красивых чайных роз, присоединил к ним три махровых гвоздики и три ветки бугонная, усыпаные ярко-красными, будто горящими цветками, и вручил туристкам маленькие букеты.

Гид что-то прошептал сквозь тесно сомкнутые губы.

— Он говорит: брать хоть что-нибудь королю,— перевела мне Бранма.

Но старый негр решил оставить королю лишь самую малость. Выхватил короткий кий-вой нож, он утаплился в бамбуковую заросль и преподнес нашим мужчинам по тонкой, гибкой тросточке.

Мы подошли к железным воротам, ведущим в другую часть дворца, негр отомкнул их громадным ключом из своей связки. Посреде облитного, поросшего низкой, выжженной солнцем травой двора несколько подостков с толстыми крышками гонили футбольный мяч. Лицо смотрителя покоев будто обдавало меня, гневная бледность растеклась по его смуглой коже.

— Рабы короли! — кинула Бранма на юных футболистов.

Старый негр с сердотой бранно накинута на итрающих, завладел их клячем, в заплатках, мячом, выхватил из прорези ссока камеры и в один могучий выдох надул мяк до каменной твердости. Затем оглушительным ударом послал мяч королевским рабам.

По ту сторону двора нам повстречался небрежно одетый, как бы подержанный человек в полунациональном, полуевропейском одеянии. Он жалко убагыбал и помахивал нам рукой. Гид ответил холодно: потитительным поклоном, а негр подошел к человеку и пожелал ему дуку.

— Дамный родственник короля,— каким-то сложным тоном, сочетаям церемонность с презрением, заметил гид.— Проживает во дворе...

— А почему у него такой страный вид? — поинтересовался мы.

— Дамный родственник,— с отчитывал ироничной повторой гид.— К тому же великим уважается шапками, а в маэше есть санник мастера этой ирты. Наверное, опять продался дотла...

Воровато оглянувшись — не видит ли кто-то старый, безобразный амада что-то сущая в амада дальнему родственнику короля, тот убагыбал слабой, доброй убакой: у него являлся шанс отгабаться...

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ

А мама в девятьсот шестом
Была с мамой отцом в Париже.
Ну что рассказывать о том?
Нет, говори же, говори же!
Российским беглецам пришлось
Ютиться в пансионе старом
С приметой — вывескою есть:
«Колониальные товары».

Частенько вспоминала мать
О вечном городе Париже:
На всем истории печать,
Дома, как ленихи пыльных книжек.
Еще у Мопасса есть
Про дом, что обошли пожары,
Где можно вывеску прочесть:
«Колониальные товары».

Приехал в пятьдесят шестом
И я в Париж. И в первый вечер
Пошел искать замшелый дом,
Как с юностью отца на встречу.
Шел сквозь года и времена,
Большие перекоп бульвары.
А вот и вывеска видна:
«Колониальные товары».

Привяж к векам еще пять лет...
И, асфальтилась из Гангем,
Вступила я на знакомый след.
Париж все так же пламенеет,
Неоновый мерцает свет,
Целуются, как прежде, пары.
А вывескосто нет как нет:
«Колониальные товары».

КОНЦЕРТ В МОНРОВИИ

Советские артисты! Они впервые здесь,
В Монровии, где правят торгашеская слесь.
На них глядеть сойдется, конечно, горой весь.

В руках антрепренера доход билетных касс...
Измучены жарою, приехали за час
Московское сопрано и ленинградский бас,

Грузинские танцоры и фокусник-убоек.
Триумф им обеспечен, но какой то успех!
На опаленных лицах волнение у всех.

Распроданы билеты... За сценой суета.
А в зале почему-то свободны все места,
И кажется зловещей сырость темнота.

Здесь, может, не привыкли, чтобы начинали в срок!
Но час прошел — и трижды, угрюм и одиноко,
Проплакал, как подкидыш, испуганный звонок.

Под звездной крышей небо скамейки слышь
пусты,
А за оградой зала чуть шелестят кусты
И светятся, как звезды, глаза из темноты.

Там, затая дышанье, советской песни идет
Монровия босая, беситроустый народ!
Распроданы билеты, и в зал закрыт их вход.

А в зале душ пятнадцать, от силы двадцать пять.
В жилетах и цилиндрах наשמешливая знать.
Так что ж, концерт сорвался? Нет, надо
начинать!

Для тех, кто за оградой, за каменной стеной,
Испитики все программы, все песни до одной.
В пустом бетонном зале идет концерт ночью.

Распроданы билеты! Нет, скулены они.
Премьен довольно хитрый, но новый в наши дни.
Да, вы оди на сцене, и в зале вы один.

Провал концерта явный! Быть может, и провал,
Но я эбы это вечер провалом не назвал:
Морская пыль порою опаснее, чем шквал.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Из книги

«Апрель»

Маневр врагов подобен стрельбе из-за угла.
У них, видно, сегодня неважные дела:
Скупили все билеты, а наша же вы взвала!

Товарищи артисты! Пусть ваш концерт войдет
В событий африканских опасный разворот
Как, может быть, не круный, но острый

А за стенами зала — слышны сотен гула...
Московское сопрано и ленинградский бас,
Грузинские танцоры, я поздравляю вас!

ЛОНДОНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Осенний сквер и желт и сер,
Серый иней на желтенькой травке.
На скамье восседает там сэр, кавалер,
Генерал-губернатор в отставке.

Он в дюртуке и котелке,
В теплом шерстяном платке и при трости.
Эта трость, словно жезл у сужившей руки,
Из слоновой сработана жуки.

На кой такой ему покой,
Раздавившему саблею джунгли?
Приобрел он подарку над Темзой-рекой,
Загорелые щетки пожулки.

Река Нигер, где кавалер
Служил четверть века исправно,
Слово неблагодарности черной пример,
Где-то летает спокойно и плавно.

Британский фут, английский футбол,
Все святое тутемцы отвергли.
Прогрубили огню: да это же бунт!
Открывайте огню, канонеры!

А где же войска? Одна тоска
Желтым дождиком светится слабо.
Белой тростью бесстыжая машет рука
И сбивает лишь веточки с граба.

ФУЗЗИ-ВУЗЗИ

По кабабасам бродит брага,
Векам суровым брошен вызов.
Фузи-Вузи — цветная бригада,
Час независимости близок.

Сэр Робертсон на день последний,
Чтоб все прошло легко и гладко,
Призвал войска из Ньюкаленда,
Для поддержания порядка.

Фузи-Вузи — солдат королевы
И направо пойдет и налево,
А прикажут — откроет огонь.

Ни о чем ему думать не надо.
Фузи-Вузи — цветная бригада.
На ружейном прикладе ладонь.

Машины грузные, мордаты,
Сквозь джунгли прут, как бегемоты.
К Лягусу стянута солдаты

На случай экстренной работы:
Вдурт неамасть к прищелкам белым
Глазницы яростные сузит.

Тогда своим займется делом
Солдат послушный — Фузи-Вузи.
Фузи-Вузи — солдат королевы
И направо пойдет и налево.

А прикажут — откроет огонь.
Ни о чем ему думать не надо,
Фузи-Вузи — цветная бригада.

На ружейном прикладе ладонь.

С английской принцессой юной
Сэр Робертсон явился бледный.
На страже, около трибуны
Стоит солдат из Ньюкаленда.

Он смотрит на народный праздник,
Он смотрит на поднятые флаги,
И молдит Фузи-Вузи драгит
Крутая пальмовая брага.

Фузи-Вузи — солдат королевы
И направо пойдет и налево,
А прикажут — откроет огонь.

Ни о чем ему думать не надо,
Фузи-Вузи — цветная бригада.
На ружейном прикладе ладонь.

И вдруг солдат самлет феску,
Еа подбрасывает в воздух.
За ней летит гортанный режик,
Из сердца вырвавшийся возглас.

Принцесса юная и гости
Глядят на сэра Робертсона.
Но беспорядок нет в Лягосе,
Все чинно, молорно и тонно.

Для чего здесь войска? Непонятно!
Фузи-Вузи отправьте обратно:
Вдурт туземцы откроют огонь!

Привозить его было не надо...
Фузи-Вузи — цветная бригада.
На ружейном прикладе ладонь.

ХИЩНИКИ

В дремучих джунглях южной Сахары,
В саванне, где лесом стоит трава,
И львы попадались и ягуары —
Для модных зверинцев ходкий товар.

Ловцами белгийцы и немцы были.
Шлем до бровей, в руке пистолет.
И джунгли и зверь поднимали сила,
Так же долго дышало — почти сто лет.

А зверь рычит, разева пасть.
В любое мгновение ждите беду.
Ваш хищник может на вас напасть,
Имейте это в виду.

Велики добычи в глубоких трюмах,
Глушили динном кровавий труд.
Когда навещали зверей угрюмых,
Был погнут клетки диннойю прут.

В промысле этом успех измичиве,
И трудно ловцам остаться людьми.
Путь все опасней, зверей все меньше,
Но надо действовать, черт возьми!

Где взять незла, там надо убирать.
В любое мгновение ждите беду.
Ваш хищник может на вас напасть,
Имейте это в виду.

Ограбы склоны земли горчие,
Добытчики ринулись в гробь земли,
И в шахтах их скоро ждала удача:
Уран смертоносный они нашли.

Его вывозят в самонной клетке,
Дороже золота каждой грамм.
За ним охотятся все разведки,
А силы своей он не знает сам.

У этого зверя черная масть.
В любое мгновение ждите беду.
Ваш хищник может на вас напасть,
Имейте это в виду.

Осташе добытчики в вечном страхе
За судьбу свою асфальтных стран.
Им видится небо в желтой глаже,
Из клетки вырвавшийся уран.

И нет укротители! Хищник рыщет,
Набравшись ярости взлетит.
Остань он на своем пути.

Бесславно закончится ваша власть,
В любое мгновение ждите беду.
Ваш хищник может на вас напасть,
Имейте это в виду.

АЛМАЗЫ И АВТОМАТЫ

Стремительно вращающийся чугунный диск, на который нанесен тонкий слой алмазного порошка, квадрант — приспособление для зажима кристалла — и самый главный инструмент — человеческий глаз, вооруженный линзой... Проходит несколько часов — и кристалл алмаза превращается в бриллиант. Но еще перед этим на специальных станках его разрезают на две-три части, затем поддирают, то есть убирают углы, придают им нужную форму, и только после этого на поверхность кристалла наносит тончайшие искусственные грани. Чтобы называться бриллиантом, кристалл алмаза весом в один карат должен иметь не менее 57 граней. А «вадра карат» — это всего-навсего 200 миллиграммов! Но на Свердловской ювелирно-гранительной фабрике ограничить умудряются наносить до 100 и более граней на такой кристалл: ведь чем больше граней, тем лучше он «играет».

В природе ред двух одинаковых кристаллов; каждый из них имеет свои особенности внутреннего строения. Именно поэтому при изготовлении драгоценных камней каждому кристаллу нужна индивидуальная обработка: граничник работает на глаз, исходя из особенностей кристалла.

Ну, а если он имеет дело с искусственными драгоценными камнями? Ведь кристаллическое строение таких камней одинаково. Так нельзя ли в этом случае усовершенствовать трудоемкий процесс огранки? Оказалось, можно. На фабрике установлено несколько станков-полуавтоматов для огранки искусственных драгоценных камней из синтетического корунда. Их конструктор — главный инженер фабрики А. В. Моргунов.

Новые станки обрабатывают сразу до 100 камней разных форм. Чтобы стать частью колец, брошей и других украшений, эти камни не приходится далеко путешествовать: тут же, на фабрике, имеется ювелирное отделение.

Издания Свердловской ювелирно-гранительной фабрики хорошо известны не только у нас в стране, но и за рубежом. Только за последний год они с успехом экспортировались на шестьдесят зарубежных выставках. В этом большая заслуга экспериментальной группы модельеров, в которую входят молодые талантливые художники Надежда Кашкина, Леонид Устильцев, Владимир Хромцов, Владимир Лукин. Сейчас они работают над расширением ассортимента изделий, готовят новые модели украшений со своеобразными полурациональными элементами — уральскими самоцветами.

Ю. РЫБИНСКИЙ
Фото В. Арсеньева.

В ПОСЫЛКЕ... ЛОДКА

Пона что в магазинах можно купить набора деталей, из которых нетрудно соорудить модель лангера, модель яхты, модель планера или модели самолета. А нельзя ли на заводе изготовить детали и дома построить из них настоящий самолет? Самолет, видимо, нельзя, а вот лангер можно.

Уже в этом году судовой верфи Мариниского Посада, что расположено в Чувашии, начат выпуск лодок в посылках.

Ты обратился в магазин, перевел туда деньги — столько же, сколько стоит хороший велосипед, — и через неделю тебе доставят три небольших ящика. В ящиках — собранные шпалготты, форштевень, транец, ниль — все продольные и поперечные детали, листы фанеры для обшивки. Здесь же гвозди, шурупы, клеи и краски. На стенах ящиков с внутренней стороны — цифры: стенки ящиков — тонкие детали катера.

Вместе с деталями пришло и инструментар, в который подробно расписано, в каком порядке следует собирать «плавающий член».

Остается взять в руки молоток и отвертку, немного поработать рубанком и нитью — и катер готов.

Подвесить к нему мотор, и можно отправляться в туристский поход по рекам и озерам, на рыбалку, на охоту. Хотите заняться водно-моторным спортом, словно ветер, мчаться по водной глади? На этом катере все можно: он приспособлен под установку второго моторчика.

Конструкторы дали катеру короткое имя «МК-29». Он берет на борт до 6 человек и при одном моторе легко идет со скоростью до 18 километров в час.

СТО ДВАДЦАТЬ ГОРОДОВ В ОДНОМ ГОРОДЕ

Первое слово было за экономистами. Они подсчитали, что километрах в ста от устья Камы, в рий одной больших залежей «вторичного золота», надо построить город нефтяников.

Тогда возникло за дело градостроителей. Архитекторы облюбовали живописную местность в излучине Камы, на границе дубовых боров и липовых рощ. Пройдет несколько лет, и в числе красивейших городов страны появится город с двухсотпятидесятью тысячами населением — Нижнекамск.

Новый город будет различительно отличаться от всех существующих. Построенный из бетона, стали и

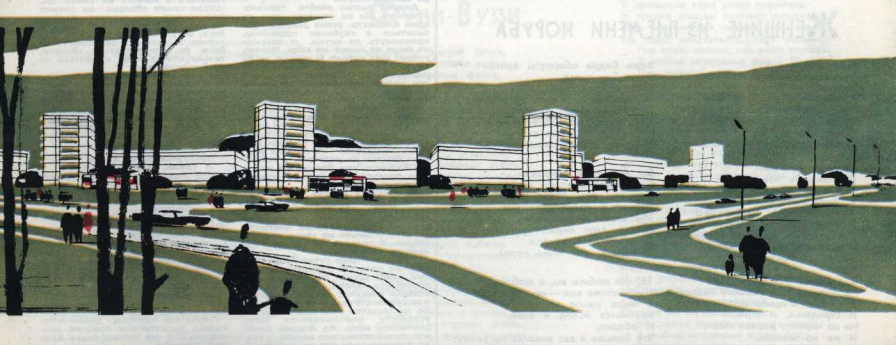
стекла, он вберет в себя сто двадцать жилых комплексов, каждый из которых — городок на тысячу с лишним жителей. Это в самом деле будет городки, полностью благоустроенные: со своим супермаркетом, своим садиком, даже ларьком-баром, откуда прямо на квартиру доставят самые необходимые товары. Каждый жилой комплекс будет располагать и «семейным залом», где любящая семья сможет принимать гостей, устраивать торжественные вечера или свадьбы. Словом, в микрогороде его жителями будет предоставлено все необходимое в быту.

По замыслу архитекторов, три-

четыре жилых комплекса составят жилой район. А три-четыре таких района образуют застройку с тридцатипяти тысячами населением. Здесь уже будут и школы, и стадион, и клубы, и кинотеатры, и танцевальные залы и залы для диспутов и собраний.

Сейчас началось строительство первой очереди Нижнекамска. Сто тысяч рабочих и чинов их семей поселились здесь в ближайшие пять лет.

— Каждый житель, — сообщает нашему корреспонденту начальник 3-й архитектурно-планировочной мастерской Государственного института по проектированию городов Е. И. Кутырев и его молодые помощники М. Черышова и Ю. Белиев, авторы проекта Нижнекамска, — получит комнату площадью не менее 12 квадратных метров.

СЕКРЕТ РЫБОВОДА

Черевский сплавной рейд в Персиской области — фабрика на воде. Из бурлящего водовода вылетают «лучины». Грохочет машина, уязвимая в эти двадцатитиуметровые «лучины» древесина, надувая по бурлящему течению. А на берегу стоит человек с удочкой. Он забрасывает в бурлящую под машину, в самый водоворот.

«Начинки человек», — думает п. — Неужто они не понимают, что здесь происходит? Какая тут рыба? В это самое время человек хватается за удочку, подсаживает и осторожно опускает его в воду. Мгновенье, и в янву в нем крутятся рыбьиную — килограммового язя.

Я озвучен. И тогда механик машины дает мне послония. Когда машина стоит, не работает — закидывает удочку бесполезно, клева не будет. А секрет тут прост, клева не бывает. А секрет тут прост, а в это время с деревьев свисает коря, под которой множество короедов. Но ведь известно, что короеды — любимое лакомство язя. Если шумит машина, язи знают бдут короеды — и уже денурят, ожидая их. Машина встала, и язи уходит в створку, на отдых... Вот и весь секрет.

П. ВЫСОЦКИИ

ПРЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ

80 студентов четвертого курса Воронежского педагогического института провели этим летом комплексную полевою биолого-географическую практику на маршруте Воронеж — Ординкиндызе. Они ехали поездом, передвижались на попутных машинах, много километров шли пешком.

За тридцать дней студенты сделали топографические карты, собрали гербарии, вели геологические раскопки. В Набардино-Балканы на маршруте воронежцев оказалось Цисное ущелье. Фотоордентист И. Сашин сфотографировал студентов не за работой, а в аэсепе. Ущелье на трехкилометровой высоте Цисного ледника.

ОКНА НЕ ПРОПУСКАЮТ ТЕПЛА

Как защититься от палящих лучей солнца в летний зной? Надежно удержать могут стены дома. А окна? Не отказываться же от света! Но вместе со светом в помещения льется и тепло. Недавно ученые разработали состав такого стекла, которое задерживает тепловую — инфракрасные — лучи, отражая их, подобно зеркалу, и пропускает лишь световые. Компа-

та, в окна которой вставлены такое стекло, имеет прохладный «климат», несмотря на то, что за окном страшная жара. Термозащитные стекла изготовлены на Александровском стекольном заводе в поселке Делюна. Нетрудно себе представить, как в них нуждаются жители Средней Азии и других мест малой страны, где летний зной сильнее велик.

Памятник Русской славы

С высокой смотровой площадки мы видим картины Бородинского боя. Вот Кузнецов, посылающий конницу Уварова в бой с французскими войсками. Вот генерал Дюрокур, вынужденный сдаться за холмом боя. Знаменитая батарея Раевского, Семеновские и Багратионовы батареи. Французские полки, выходящие из укрытия.

Вышедшей осенью в Москве, в специальном строящемся здании рядом с «Кузнецовской набережной» откроется панорама Бородинского боя. Знаменитая панорама была создана сто сорок пять лет назад талантливым художником-баталистом Ф. Рубо. Она поражает не только художественным совершенством, но и своими размерами. Картина легендарного боя художник воспроизвел на холсте длиной в 115 и высотой в 14 метра.

За прошедшие годы уникальное полотно весьма пострадало от времени и сырости. Сейчас полотно на «Клеветной» холсте оказалось совершенно испорченным. На окраинах Москвы по инициативе художника около 200 кружков взялись, многие из которых были размером до квадратного метра. Сейчас полотно на «Клеветной» холсте группы московских реставраторов, работающих под руководством народного художника РСФСР П. Борина.

Прежде всего реставраторам надо было почистить панораму от новой пыли, освободить площадь которого составляла восемьсот тридцать квадратных метров. Холст необходимо было сплоской, высушить и иезелачивать. Художников выручили яванские technicians.

Но trotz этого новое затруднение. Где найти помещение, в котором бы разместились стол для выполнения сложной процедуры подлестя? Стол, вполне пригодный для произведения работы на короткой дистанции, соорудили в одном из залов Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Вдоль этого стола и вывешена подъемный кран, переносит два бака, каждый весом в тонну. На одном баке — панорама Ф. Рубо; на другом — новый холст на трети уже вымытого реставрированное полотно.

Почти заново художники-реставраторы пришлось сделать 625 выцветших участков панорамы: они написали небо и некоторые другие сцены в поддельные краски. Сделали картину, восстанавливающую силу и славу русского оружия.

ПЕРЕД УНИВЕРСИТЕТОМ... ЛОСИ

Эти необычные пришельцы появились перед высшим зданием Московского университета в начале лета. Они были черемно раскрашены по газонам и цветникам, не считались за запретыми табличками.

Конечно, вокруг лосиной семьи собрались любопытные. Звери забеспокоились и стремительно поспешили к спортивному городку. Однако, все пути для отступления пришельцев были уже перекрыты. Студенты задержали гостей до ночи, а потом вывели их за пределы Москвы.

Через несколько дней к удивлению многих олов университетской обсерватории вновь появились лоси. По меткам на боках мы узнали отца семейства. Очевидно, некто изпутанным, зорил разбежался, потерял друг друга, и теперь лоси по старым следам пошли искать своих мамчат.

Представьте себе высоченное монотонное облако, спускающееся и втузлу. А теперь воображайте, что облако движется по раз в пятдесят больше, чем последнее носса — собран на дубовых балках бетонных балок, образующих правильную яруг, ваялся спид натянутым тросом, а вместо яруги установлено стальное полотно. Ветерный облоу кончается на столбах высотой в 3—4 метра.

Это и есть каркас висельной кривни. Осталось немного повесить на тросы бетонные плиты трипановидной формы, уплотнить стыки, загерметизировать швы специальным материалом — и здание готово. Натянуть квадратных метров на несколько десятков.

Использовав высочайшие стальные тросы, соорудили одной из лабораторий Научно-исследовательского

ВИСЯЧАЯ КРЫША

института бетона и железобетона создали монументальную бетонную висельную облоу, из которой нагружено бетонное кольцо «рибонга» на сваяте, а стальные тросы (ванты) и внутреннее стальное кольцо — на растяжение. Удалось избежать центральной колонны: вся нагрузка приходится на колонны, стоящие по периметру.

В другом варианте, предложенном сотрудниками этой же забортовки, предусматривается одна центральная колонна, висельная на себе всю нагрузку, тогда же боковые, расположенные по окружности, имеют декоративное назначение.

Опытные сооружения этого типа возведены на территории института, подтверждая надежность новой конструкции.

Недавно под Москвой, в

равине станицы Мисленово, начато сооружение опытного павильона. В скором времени облоуная кривня будет построена. Висельная конструкция поборот многие недостатки, а также перекосы, коррозии, свивания и другие сельскохозяйственные сооружения. Висельная крыша можно использовать и при постройке стадионов, летних кафе, танцплощадок, павильонов в зонах отдыха и т. д.

Есть проект висельной кривни диаметром 270 метров, причем исследования показывают, что это далеко не предел. Кто знает, может быть, такую висельную крышу возьмут на вооружение инженеры даже при проектировании заводских или фабричных цехов.

С. МАРНОВ

ЗВЕЗДНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Ярослав ГОЛОВАНОВ

Рисунки А. ГРИШИНА.

Дверь самолета распахнулась, и в ее овале показался человек. Ниже среднего роста, в обычной серой шинели, он спустился по трапу и шагнул по красной ковровой дорожке к трибуне, увитой зелеными лаврами. Стоя в толпе репортеров на платформе «аэродром» — как прозвали журналисты огромную двухэтажную металлическую эстакаду, специально построенную для них во Внуковском аэропорту, — заметил, что в эти первые мгновения не было слышно криков приветствия, аплодисментов. Все это началось потом, а офицеры почетного караула, чьи флаги иностранцы послали, кинооператоры, прильнувшие к окулярам, взволнованные москвички с букетами и транспарантами, шустрые мальчишки, преодолевшие усиленные кордоны милиции, — тысяч глаз смотрели в лицо человеку, идущему к трибуне, в это простое русское лицо, и старались, и не могли понять всей огромности того, что он совершил, — человек Земли, вернувшийся из Космоса.

Полету Юрия Гагарина будут посвящены сотни книг. Этот полет изучают и станут долго еще изучать не только ученые и инженеры, но и экономисты, социологи, политики. Им тоже есть что подискутировать, сопоставлять, сравнивать. «Восток» и его пилот снова заставили мир задуматься о чудесной и необоримой силе, превратившей страну луны и лавры в родину первого в мире космонавта. И думается, полка книг, посвященных полету Гагарина, откроется маленькой брошюрой — «Манифестом Коммунистической партии», — написанной за девять лет до того, как в семье рязанского лесничего Эдуарда Циолковского родился человек, имя которого навеки связано с каждой победой человека в Космосе.

Но не об этом пойдет речь. Полету Юрия Гагарина утвердил нашу веру в мечту, веру в то, что сбывается, казалось бы, несбыточное, — веру в наше будущее. Смоленский мальчишка, ученик ремесленного училища, радовой летчик за 108 минут облетел Землю, навеки вписав подвиг нашего народа в историю человечества.

...Человек в простой шинели шел по красной дорожке. Блестя на солнце медью фанфар, гремел оркестр. Он исполнял старей, всем известный марш: «Ми рождены, чтобы сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...»

Ч то дальше? Шестистопный спутник был, лунный «затылок» сфотграфировали, продолжили дорогу к Венере, человек поднялся на высоту более 327 километров. Какие миры откроются нам завтра?

Делать прогнозы в науке не рано: когда идешь быстро, смотришь дальше вперед. И этим заняты не только и не столько журналисты, сколько ученые. Такие прогнозы полетны. Полетны и в том случае, когда они граничат с мечтой, с фантазией. Потому что в этом случае они заставляют работать человеческий мозг, дерзая, пробаывая, ошарашивать и снова пробаывать.

«Напрасно думают, что она (фантазия.—Я. Г.) нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытию дифференциального и интегрального исчисления и невозможности бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...» Это слова Лейбна.

Заглядывать в будущее нужно. Не нужно только бивать там заочные столбы. Будущее превращается в настоящее, и часто тогда такой столб распыляется в туман. В июне 1958 года не какой-нибудь хмельной репортер, а начальник Управления исследований и усовершенствования при штабе военно-воздушных сил США генерал-лейтенант Самюэль Андерсон заявил в Милуоки, что в августе, сентябре и октябре ВВС США произведут три запуска ракет на Луну, которые, достигнув поверхности Луны, «каким-то образом» со своим падением. Но вот уже август 1961-го, а об американских лунниках что-то не слышно! Велика Луна, но сколько ни ищи, никого «звонкого», кроме выпилова с гербом СССР, там не найдешь...

Если внимательно посмотреть уже осуществленную программу советских космических исследований, легко заметить три основные звездные дороги, по которым шли создатели науки и инженеры в освоении искусственных спутников Земли, все более совершенных, все более тяжелых; посылка автоматических станций к другим небесным телам и, наконец, биологические опыты на вертикально стартовающих ракетах и кораблях-спутниках, венцом которых стал полет человека в космическое пространство. Куда же ведут эти дороги?

Р езультаты дела самых первых исследований космического пространства вызвали настоящую революцию в науке. Оказалось, например, что Землю окружают два гигантских облака «аэрозольных» заряженных частиц — пояса радиации. Был может, говорит сегодня некоторые ученые, Меркурий, Венера, Земля и даже Марс вращаются в атмосфере Солнца — в гигантских вихрях заряженных частиц, которые при взаимодействии с магнитными полями планет и образуют пояса радиации. Так ли это? Ответ на этот вопрос дадут полеты будущих спутников.

До 1957 года шли беспрестанные научные бои между пессимистами, утверждавшими, что полеты в Космосе невозможны, так как метеоры уничтожат любые заоблачные корабли, и ли оптимистично настроенным противникам, считавшим, что метеорную опасность не следует преувеличивать. Расчеты показывали, что удар метеора весом в 20—30 граммов, летящего со скоростью 30—70 километров в секунду, может мгновенно пробить стенку космического корабля и вызвать катастрофу.

Однако сам факт полета спутников и космических кораблей в течение многих дней и месяцев убедил в том, что оптимисты оказались правы: крупный метеор-разбойник не так уж часто встречается на звездной дороге. А третий наш спутник прислал на Землю точные данные: на высотах 1 700—1 880 километров им отмечено наибольшее число встреч с крохотными сцинтиллами Вселенной, так называемыми микрометеорами. На каждый квадратный метр поверхности спутника каждую секунду «наталкивалось» 22 микрометра. На высотах 1 300—1 500 километров и 500—600 километров был зафиксирован соответственно 10 и 9 таких столкновений. А что ждет нас выше? На этот вопрос ответ дадут полеты будущих спутников.

Полеты будущих спутников... Им нужны не только для того, чтобы продолжать уже начатые исследования, но и для того, чтобы создать нечто принципиально новое.

Спутники-связисты обеспечат надежную радиосвязь с самыми отдаленными точками земного шара. Они позволят осуществлять идею всемирного телевидения без прокладки радиорелейных линий и цепочек прием-передатчиков в дельта-зонном слое.

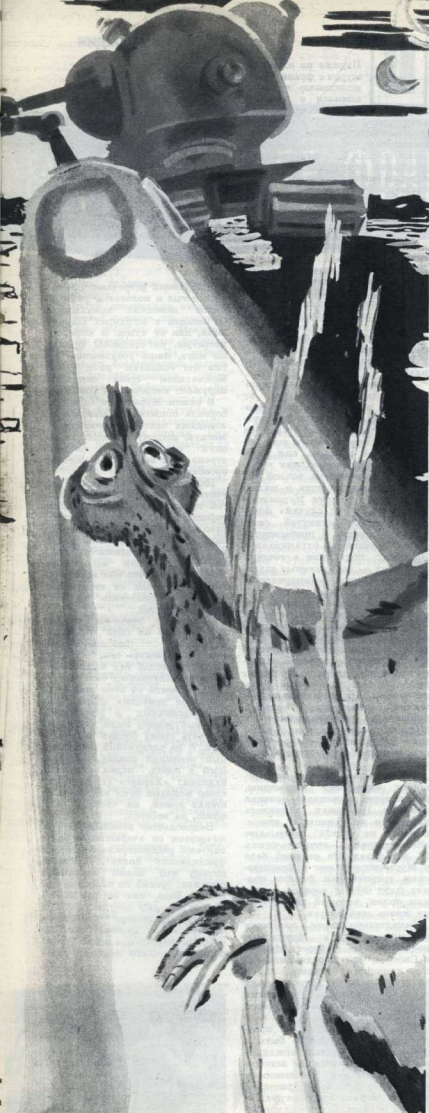
Спутники-метеорологи в самые жесткие сроки смогут дать своим «земным коллегам» уникальные по точности сведения. С их помощью служба погоды и ледовая разведка охватят не только материи, но и гигантские автаторы океанов.

Спутники-астрономы, особенно, конечно, звездную оптику от извечного «блума» атмосферы, вперые позволят телескопам увидеть небо, не подверженное зыбкой стене воздуха.

Спутники станут в будущем первыми «кирпичиками» грандиозного внеземного строительства. Автоматические и обитаемые лаборатории, опытные орбитеры, вокзалы планетолетов, а затем и звездолетов — вот завтрашний день сегодняшних искусственных спутников Земли.

П ервый полет на Луну был совершен восемнадцатидесятью веков назад, в 160 году нашей эры легендарным Осидесом. Странный буря подхватила его корабль и подлила под него ветер. Сосуд, ставший выше и выше, увеличивал его, и сень диний моря плаплатели не знали, что он ожидает. На восьмой день они достигли Луны.

Лукиан Самосатский, описавший это путешествие, назвал свою книгу «Истинные истории». Для того, чтобы «Истинные истории» стали истинной, потребовалась смелость Галилея, мужи и вера Джордано Бруно, гениальная дерзость Коперника и Луи Лавуа, человек каменья Петропавловской крепости, на стенке которого Николай Кибальнич надарпал

первый проект ракетного лунного аппарата; через сонную Калугу, в одном из домов которой горел огонь великой мечты; через бронированную палубу «Авроры» зыбкой осенью 1917-го. И сегодня на Луне — вымел СССР. Сегодня в книжных магазинах вы можете купить чудо: атлас обратной стороны Луны. Вряд ли надо рассказывать о том, как получила Луна эти вымелы, как получила Земля эти фотографии. Чем лучше узнаем мы нашу небесную «соседку», тем труднее привыкнуть с мыслью, что она еще продолжает скрывать от нас свои тайны. Ведь даже на видимой с Земли стороне Луны, доступной не только телескопу — простому театральному биноклю, ученые отмечают явления, которые не укладываются в рамки классических астрономических понятий. Какова природа так называемых кратеров-фантомов, кратеров-призраков, не дающих тени и словно просвечивающих через поверхность лунных морей? Что представляют собой загадочные белые лучи, разбегющиеся от подножия кратера Тихо? Они тянутся на сотни, а иногда на тысячи километров через горные цепи, моря, цирки. Какая неведомая сила скрывает темные пятна на дне кратера Циолковского, на них наползает тень Земли во время лунных затмений? Двигаются ли на дне цирков Эратосфен и Платон загадочные зеленоватые скопления или наблюдателя это померещилось?

Наконец, есть ли жизнь на Луне? Пусть самая примитивная, представляющая бактерии, вирусы, простейшие, советский микробиолог, член-корреспондент Академии наук СССР Александр Александрович Имшенецкий считает, например, что живые организмы могут существовать не только на Луне, но и в условиях межпланетного пространства.

Слова «лунди полетят на Луну» уже не вызывают недоверчивых улыбок. Один из лучших романов писателя-фантаста Александра Казанцева, «Вывалающийся остров», родился двадцать четыре года назад. Думаю, он навсегда останется научно-фантастическим. Недавно вышла в свет новая работа писателя — «Лунная дорога», научно-фантастическая повесть, в которой рассказывается о первой лунной экспедиции. Не знаю, когда отпечатут люди первые следы в пыли лунных морей, но думаю, что «Лунной дороге» не уйдет двадцать четыре года числиться в списке фантастических книг: великий «корректор» — прогресс советской науки — исправит подзаголовки книги.

Но прежде чем на Луну опустится пилотируемая ракета, на ней побывают приборы. Ученым предстоит разработать различные варианты «мягкой» посадки на Луну, создать специальную телеметрическую аппаратуру. Бить может, вслед за приборами полетят собаки, и на них проверят специалисты методики возвращения с Луны на Землю.

Наполеон Бонапарт был недоволен Венерой. По словам знаменитого астронома Доминика Франсуа Араго, когда блуждавшая на дневном небосклоне Венера отлекала парижан от созерцания триумфального везеда императора во французскую столицу, 12 февраля нынешнего года Венеру не было видно никуда. Но во Франции, Испании и Париже, и в Лондоне, и в Москве. В этот день усовершенствованная многоступенчатая ракета вывела на орбиту тяжелой спутник, с которого стартовала управляемая межпланетная ракета. Она несла и Венере автоматическую межпланетную станцию. Так начался первый межпланетный рейс.

Если мы говорим о загадках Луны, то Венера до самого недавнего времени была сплывшей загадкой. В телескоп серп Венеры напоминает пламя свеч на свозняке: все колеблется, все зыбко и неопределенно. Поверхность планеты скрыта под толстой ледяной облаков. Иногда неясные, темные пятна проступают сквозь эту пленку. Скажут: Материю! Затененная сторона планеты светится слабым пепельным светом. Почему?

В мае этого года мир облетело сенсационное сообщение Академии наук СССР: произведена радиолокационная разведка Венеры. Сотни лет астрономы разных стран отводили от усталых глаз окуляры телескопов, чувствуя такое бессилие: атмосфера планеты не дала возможности установить период ее вращения вокруг своей оси. Теперь мы знаем, что сутки Венеры равны 10 земным, знаем, что отдельные участки поверхности ее обладают различными коэффициентами отражения радиоволн. Мы узнали из этого короткого сообщения очень много, но далеко не все.

По мнению некоторых специалистов, Венера переживает земной каменноугольный период. Советский астроном Козырев обнаружил, что в атмосфере Венеры присутствует ионизированный азот. Англичанин Вильямс считает, что из ее облаков должны проливаться пластмассовые дожди, а француз Дювалле пытается доказать, что облака эти состоят из нитрата аммония. Загадки, загадки, загадки... Невольно завидую участникам первой экспедиции на Венеру: перед ними открылся мир совершенно неизведанный. Но так ли это?

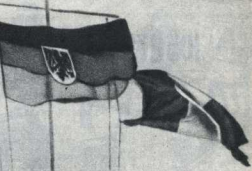
Так же, как и при изучении Луны, Венера, очевидно, «пройдет полный курс космической подготовки». И перед стартом первой экспедиции мы уже сможем писать о Венере без такого количества вопросительных знаков, как сейчас.

Марс — самая «популярная» планета. С ее именем связаны для нас и бесконечные споры вокруг таянственных каналов и извечный вопрос: есть ли жизнь на Марсе? (Положительно ответить на этот вопрос, вероятно, можно было бы до блестящей работы Гагарина Адриановича Тихова — основателя агроботаники, просто переписав те страницы Дарвина, где он говорит об изменчивости и приспособляемости живых организмов к условиям среды.)

Фантазия Герберта Уэллса породила марсиан — чудовищ, хладнокровно уничтожающих людей Земли, а Алексей Толстой тонкой познаний Азлиты показал единобразие законов социального развития общества на любой планете. Может быть, это субъективно, но мне кажется, Марс как-то ближе нам, землянам, чем любой другой огонек на куполе ночного неба. И не только потому, что о нем много спорили и писали...

ПАРИЖ В НЕБЕ ФРАНЦИИ

цуским солдатам, наказание усиливается.

В места дислокации непрошенных гостей попасть невозможно. Туда не пускают ни иностранных, ни прогрессивных французских журналистов. Из района Мурмелона безцеремонно выдрили корреспондентов газет «Юманите» и «Либерасьон». «Вы не должны здесь находиться!» — гаркнул им в лицо служака и приказал своим подчиненным: «Выпроводите их отсюда. Они должны немедленно убраться из лагеря».

Однако правда и подробности о новой немецкой оккупации восточных областей Франции быстро распространились по стране.

В один из дней, проходя по улице Амьраль Руэсси, что находится рядом со зданием мэрии 15-го округа Парижа, я увидел группу французцов, внимательно читавших какую-то бумагу на стене. Это была плакат Французской компартии, которая призывала соотечественников к близости в связи с тем, что правительство Франции допустило размещение в стране военных баз западногерманских войск. Крупные красные буквы вывели: «Тревога! Немедленно милитаризуй снова на нашей земле. Никаких западногерманских баз на французской территории!» За этим следовало воззвание к бывшим участникам движения Сопротивления и фронтовикам, жертвам фашизма, ко всем французским патриотам развязать широкую борьбу против германского милитаризма, против размещения новоявленных оккупантов из-за Рейна на земле Франции.

Рядом с воззванием — фотографии совсем недавнего прошлого: руины французских городов, трупы каннибалов гитлеровцев патриотов. Тут же — наглядная физиономия одного из этих палачей, военного преступника, эсэсовца Демхордта, руки которого обрызганы кровью французцов. Однако милостиво

французских властей Леммердинг отпущен на свободу в знак «атлантической солидарности» со вчерашними врагами.

Среди читавших — два школьника. Они знают, что такое война, по рассказам своих родителей, которые не страдают потерей памяти, как иные государственные деятели.

Трое мужчин, у одного из них — колодка сотерских орденских ленточек, стоят с давно потухшими сигаретами и, кажется, уже не первый раз перечитывают воззвание. Тот, у которого однею ленточку, сжимает кулак.

Подходило еще несколько человек, в их глазах — гнев и тревога. Неужели забыты жертвы нашествий немецких захватчиков? Неужели проданы забвению призывы лучших сынов и дочерей Франции, которые перед каньеном в гестаповских застенках заклиная оставшихся в живых сделать все, чтобы фашизм был уничтожен, чтобы Германия никогда не могла угрожать их родине?

Нет, простые французы ничего не забыли. Об этом говорят хотя бы многочисленные очереди у кинотеатров (весьма редко — дома Парина аляноне) в дни, когда там шел документальный фильм «Майн кампф».

Да, название этого фильма действительно взято из хрестоматии фашизма — книги Гитлера «Моя борьба». Шведский режиссер Эрнст Лайер с группой коллег-антифашистов назвал этот фильм так потому, что он без прикрас показывает всем зрелищный облик немецкого фашизма, все преступления этого разбойничьего режима.

Фильм немиком построен на собранных во Франции кинодокументах. Перед зрителем происходит вся история немецкого фашизма, начиная от сборищ в мюнхенских кабаках и кончая разгромом гитлеровской Германии и взятием Берлина советскими войсками: террор, еврейские погромы, расправы с прогрессив-

но мыслящими людьми, уничтожение культурных ценностей, милитаризация страны, разгул шовинизма, война.

На экране — гитлеровский «новый порядок» в оккупированных странах Европы. Редкие кинокадры, извлеченные из тайных гестапо, раскрывают жуткие картины гитлеровских застенков: массовые расстрелы, уничтожение людей в крематориях, убийства в душегубках, горы трупов.

Кинокадры, отснятые палачами для «учебных целей» в еврейском гетто Варшавы и находившиеся в личных архивах Гимлера, ledenят кровь: вот последние конвульсии умирающего от голода человека, вот истощенные, покрытые ступнями, лежащие по земле дети. А вот страшные сцены уничтожения детей ко тьмян тьмян людей в гетто.

Во время демонстрации «Майн кампф» залы были переполнены, то и дело раздавались нетолкущие вопли, многие плакали. Ведь картина показывала то, что люди пережили совсем недавно.

По требованию Вонна французские власти не раз снимали эту картину с экрана. Но стоило названию «Майн кампф» исчезнуть с афиш одних кинотеатров, как фильм начинали показывать в других, всего через несколько часов.

***

На кладбище Пер-Лазез рядом со Стеной коммунизма похоронены прах тех, кто отдал свою жизнь за свободную Францию. В дни, когда из-за Рейна во Францию вновь примаршировали немецкие батальоны и началась «маршальная» оккупация, здесь на могиле расстрелянных подпольщиков из Мон-Валерьяне, появился букет цветов с надписью: «Палачи возвращаются снова. Но продолжайте ваять кровь и забвение. Мы продолжим сражение. Ваш подвиг ведет нас к победе. Да здравствует Франция!»

Побывав во Франции, я убедился, что французский народ, как бы ни распорядился за его спиной официальные власти, принимающие участь трагедию прошлого, не может смириться с присутствием на своей земле иноземных захватчиков. Волна демонстраций прокатилась по стране. «Нет — перевозужению Германии», «Долой немцев без syarat», «Вон буддесер из Франции!» — требовали участники митингов, собраний, траурных шествий к могилам погибших патриотов.

Во Франции я видел комсомольцев, помогавших своим старшим товарищам распространять газеты и листовки, разоблачающие новую немецкую оккупацию, видел женщин и девушек, которые расклеивали плакаты, призывающие протестовать против размещения буддесера в их стране.

Массовую манифестацию протеста против новой немецкой угрозы Франция провела на патристическом настроенных профессоров и преподавателей крупнейшего в стране Сорбонского университета, поддерживаемые почти всеми студентами этого учебного заведения.

В большом университетском дворе — не одна тысяча студентов и преподавателей. Здесь собралось много молодежи, но не было слышно шутки, смеха, как присущего молодежи, не видно ни одной улыбки. Лица серьезные, все с непокрытыми головами. В тишине, как клятва, звучат слова воззвания, которое зачитывает профессор факультета права Орелье.

«Верные духу движения Сопротивления, мы не можем смириться с перевозужением Германии... Мы протестуем против предоставления на французской территории военных баз боинскому правительству, которое поддерживает территориальные притязания ревизионистов и является защитником расчуживших действий бывших палачей... Мы призываем всех студентов французцов поднять свой голос протеста против немцев без во Франции».

И так было повсюду. Шествия шествия в парижском пригороде Иври, столько же в городе Кональ, пять тысяч в Люневе, около двух тысяч манифестантов в Ардуаре. Так отвечает французский народ на «маршную» оккупацию территории своей страны буддесером.

Париж — Москва.

Листовки с призывом бороться против размещения войск буддесера во Франции раздают на улицах маршалов гитлеровских кондагеров. Их подлые лагерные одежды предостерегают о новой опасности.

Сапоги немецкой воениции снова топчут французскую землю. В песнях эденауэрцев звучит слышится новая угроза миру.

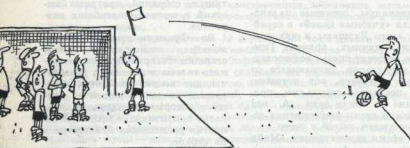

КЛУБ ЮБИТЕЛЕЙ ШУТКИ

— КАКОЕ СОНН БУДТО ВЫ Я УЖЕ НА
ВЕРШИНЕ...

Рисунки И. ОФФЕНБЕНДЕРА
(по теме И. БОГДАНОВИЧА).

Рисунки Р. ПИВНЯКА.

Рисунки И. ЕРМИШИНА.

— ЗДЕСЬ ТОЛЬКО ЧТО СТОЯЛА МОЯ
МАШИНА?

— СЕБЬСЯС ЖЕ ПОЛОЖИТЕ
ШАРГАЛКУ НА СТОЛ!

Рисунки Ю. ПОЛУПАНОВА
и А. ФЕДОРОВА.

В. КУКАНОВ

Говорят, сорочи вадки на все бабстиче. Ни одна будто бы не пролетит равнодушно мимо свернувшей на солдье стеллашки. За сорочками мы замесили. Но сорочи поправляет бочком вокруг стеллашки, покосится на нее то одним, то другим глазком-бусинкой и, довольная, летит дальше. А человек, как известно, глазами не верит!

Новна Казарцевой совсем ни к чему была этот алюминевый вательный крестик. Воспитана она в атеистическом духе: ни в бога, ни в нечестую славу не верит. Но этот реальнованный атрибут так остро свернула а траве у дорожки, что она подхватила его и принесла на работу.

— Смотрите, какой забавный крестик я нашла в сквере! — показвалась она перед сосужившей, соседкой по столом. — Неужели еще есть чудаки, такие штуки носят!

— Раз делал, значит, жоске! — рассудительно отозвалась соседка. — Чудаков много на свете... А подвала ты его, матушка, зря.

У двадцатилетней «матушки» рука с крестиком заметна дрогнула.

— Почему?

— А потому! — Добродушие аири сосудки сдавалось пророческим. — Старые люди сказали бы, что ты подняла на себя чужой крест. Поняешь? Вздвала на свои плечи чужие беды и несчастья.

— Фу, какая чепуха! — рассмеялась Новна. — А уж я испугалась!

— Ну, конечно, чепуха, — согласилась соседка. — Кто нынче верит приметам! Все стало грамотнее... Ну, а востань, может быть, его специально подобрели, чтобы с души тяжесть сняты? Со своей знатни, сняты, а на другую переложить. Люди хитрые, так и воруют сознание чать.

— Да глупость это, Мария Васильевна, ну что вы какие вещи говорите! Просто смешно. Это же — суеверие! — А ты говори, суеверие. Что же я, из ума, что ли, выжила! Я сама крест не ношу и в церковь не заглядываю... Просто сомнение берет. Знаешь, ведь хорошее у нас в жизни немного бывает, а плохое так и валится. А тут еще какие-нибудь чужие неприятности. За других страдать — кому это надо! Не вершь — не верь, а в руки не бери. Надеждой буди!

— Ну что за ерунда! — уже возмущилась Новна и бросила находку в ящик стола. — Человек в космосе побывал. И никаких ангелов и Саломов там не увидел, а вы «все-таки, все-таки!» Просто стало слышнать!

Соседка виновато пожала плечами и усмешливо затрепетала стареньким арифмометром. А Новна вшла в философскую меланхолию. «Ой, как живучи пережитки! Как глубоко сидят они у некоторых! — удивлялась она, заполяя технические жаргончики. — Точно придурочают! Какой-то развил потерял крестик. Пусть даже специально подобрели с тайной мыслью. Ну и что? Какое это может оказать влияние на судьбу другого человека? Алюминий в этом крестике такой же, из какого делают ложки. Так же его штампуют на прессе. Откуда в нем появится сверхъестественная сила? Умреть от смеха! И почему на меня должны влур? вальдись чужие беды! Нужны они мне! Кому они предвзвещают, тот пусть мне и пользуется. А на других зачем перекладываю. Ах, планоуть и забьют!»

Но крестик поминутно напоминал ей о себе. Как ни выдвинет ящик стола, он лежит там и загадочно поблескивает.

«Действительно какой-то страннй. Забавный... Да ну его к богу в рай! — решила наконец Новна. — Подду домой, выброшу на том же месте, где нашла, и конец всей этой мути».

Так она и сделала, когда шла с работы. Крестик свернула на левую и упала в траву у края дорожки.

Девушка — раздалась влурт сзади. — Вы что-то уронили.

Молодой человек в претрестой рубашке вынул из кармана просторечный брлях «трусич» из Сан-Франциско» показал ей, куда упала крестик.

— Нет, нет, ничего не роняла. Что вы! — отказалась Новна.

— Уронили, уронили! — истекла любезностью молодой человек. — Перстеньк или брошку, я думаю вам найти.

Молодой человек самоотверженно вынул из кармана поиски.

— Нет, нет, я сама! — вскрикнула Новна, похолодела. Она опередила незваного помощника и прикрыла крестик ладонью, как кузничка.

«Стигала несчастный! — ругнула она мысленно молодого человека, когда отделилась от него. — Простая ерунда. Надо так ведь бы это соорудить крестика не забывшись. Надо во что-нибудь завернуть».

Новна порвалась в сумочке и вынула там старую квинтанию — платила когда-то за телевизор. Аккуратно завернула крестик, она оглянулась по сторонам в поисках урны. Поблескивать не оказалось ни одной. Такая же жесткая умица была чиста как на архитектурном плане. Моментом этой чистоте стала на пути Новны солидная дюриничка с металой. Она как будто раздала замыслила девушку и сделала за ней историческим взглядом. А ну, попробуй всорни!

Новна разосмалась.

«Никак не отделилась от этой находки! Но дуга я непорочная, схватила на свою голову! И зачем он мне была нужен? Будто подкардула-

Д

вад меня! Куда его деть? Сейчас зайду да потну послать Аляшке Истоминной поздравительную открытку с днем рождения, может, удастся там где-нибудь отыскать.

С почты она ушла без своей находки. И только тут облегченно вздохнула.

«Ну вот, и Аляку поздравила и от этого привлекательного крестика избавилась. Как-то во душе стало спокойнее. Конечно, все это бред сплошной, что говорила Мария Васильевна. А все-таки ну его!»

Новича полетела как на крыльях. У метро ее должен был ждать муж. Встрети он приятно издала, как ее доловней Вовка торчит столбом около средней колонны. От этого вот романтичной, кокетливой встречи. Она уже собиралась завернуть за угол к метро, но в это время сзади послышалось чье-то прерывистое дыхание и жидковатый тефор: — Девушка!.. в полосу! Коточке! Задержитесь на минутку!

Новича сначала посмотрела за спиною в спешном полосу коточку, потом со страхом оглянулась и увидела доловнейшего ее седьмалетого старика.

— Ух, улариса! — проговорила он, еле переводя дух. — От почти бегу за вами. Насладу дотвал. Ходуля-то уж не те! Нет былой резины... Вы напротив меня за столком открыточку какую-то писала. Успели, смотрю, между разных бумажек катанция вот забька. И завернуто что-то, может быть, ценное. Ах, молодежь, молодежь, невнимательный вы народ! Берите вашу потерю и говорите спасибо старикуну...

У Новича на лице отразилось нечто такое, что, по мнению старика, никак не походило на радость или извещенную благодарности. Он рассердился и перестал вглядываться в вытараки. Но тут Новича опомнилась и схватила крестик с ладони старика. Требуемое «спасибо» она проформотала уже на ходу за углом.

Неудача так ошеломила Новичу, что она прошла мимо двух ур и не дождалась бросить в них заводу, желтую ей ладонь. Они послышались с Вовкой прогулялись в парк, и она всю дорогу молилась. На душе ей лег груз. Небольшой, может быть, немощный тяжелее самого крестика, но ощутимый. Смутное, тревожное предчувствие неотвратимых бед.

Наконец Вовка потребовала объяснений.

— Ты чего вздулась? На работе казачкабуму передарить? — Не в работе дело. Лапуность в спорном — с тяжелым вздохом ответила Новича и рассказав мужу всю эпопею с находкой.

— И ты уж затрепетала от священной ужаса! — не посочувствовал Вовка. — Неважненько, да? Эх ты, племяшка суеверий и мракобесия! А еще поручит Гаврилу повесила на стену. Дарил свой твои крестик да развешив: на катанция же фамилия — заклет.

Они в это время уже миновали главные аллеи парка и шли травянистой тропкой. Но крутом между кустов то и дело мелькали люди.

— Вот смотри фокус! — сказала Вовка, поднимая для обозрения кулак с заветным в нем крестиком. — Сейчас он здесь. Так! И вот — раз! — и нет его!

Вовка опустила руку по швам и незаметно разжал кулак. Через два шага он подняла распухшую шероховатую плетерню, не отмывающуюся от мажнющего масла, и торжественно зорко:

— Вуал! Исчез! Теперь не опадывался. А через год приходи на это место, здесь вырастет два.

Новича прибавила шаг и немощно повеселела, когда убедилась, что никто их не доловяет. Но крестик не выходила у нее из памяти весь вечер. Даже засыпала она с мыслью: «Глуности все это. Но хорошо, что я от него отделилась. Впрочем, ли только? Не сыграл ли он уже свою роль?»

Утром, отрывая плетню, Новича оцепенела от ужаса. Сначала она догадалась, что еще не проснулась и видит немелкий сон. Она тряпнула головой, но видение не исчезло. Прямо перед ее носом на ступе у постели лежал червчатый крестик и зловредно поблескивал: «А я здесь, вероломанка!» Если бы на этом месте сидел скворин, рассерженная кобра или — что может быть страшнее! — мышонок, и тогда Новича не вылезнула бы так отчаянно.

На ее крик прибежал Вовка. За щекой у него бутрился неразжеванный кусок булки.

— Ты чего? Ты же режешь? — озабоченно спросил он. Но, прославив за взлетом вытарпаненных от страха голубых глаз жены, рассердился:

— Ну что панику подняла, суеверка! Ходячий предрасудок! Это я помогла крестик. Стай чистить ботинки, смотри, он за отворотом штанин бабестит. Вчера тудя скользнул. Руку близко к юге держал, вот и... Ты чего? Ты куда?

Новича не слушала его. Она сбросила одеяло, судорожно схватила крестик со ступы и, подбежав к открытой двери балкона, бросила его на улицу.

Вовка корчился от смеха, а Новича захолодела балконную дверь и подперла ее голым плечем.

Еще по достижке Новича помнила, что мир метрелая, а земля круглая и вертится. Земное притяжение не даст крестнику подпрыгнуть обратно в комнату. Но можно ли этому верить, можно ли на это надеяться, она в тот момент уже не знала.

Шутки-малютки

— Мама, помнишь, ты говорила, что если я получу четверку, то буду гулять целый день!

— Помню, милый.

— Тогда можно, я погуляю только полдня?

С. УШКОВ.

г. Любин, Ярославской обл.

Ничя по принципу «уважай ближнего, как самого себя», он уважал только себя, как самого ближнего.

Н. БОЛДЫРЕВ

п. Фрунзе, Крымской обл.

— Мама, а пингалином — это сколько?

— Как, сколько?

— Ну, миллион — это много, а пингалином — еще больше, да?

А. КАЗАНОВА.

г. Пермь.

НА ЭКЗАМЕНЕ:

Профессор: — Почему вы нервничаете? Неужели вы боитесь моих вопросов? Студент: — Совсем нет. Я боюсь своих ответов.

— Отчего так получается: когда ни зайду в класс, вы всегда сидите и не работаете?

— Не знаю так шумно, что я никогда не вижу, когда вы заходите, учитель мастер.

В. ЯРЧУК.

г. Таллин.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

О движущей науку силе Юва ученого спросил. Получил он в прояснен: — Науку двигает овец!

Ф. ФЕДОРЕНКО.

г. Москва.

Рисуюн М. НАШЕРИНА.

ПОЖЕЛАЙ УДАЧИ

Слова К. ВАНШЕНКИНА.
Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО.

Отпавваю завтра я,
Что ж, не первый случай.
Ты, хорошая моя,
Зря себя не мучай.
И вези ты кобзю,
А вдали тем паче.
На прощанье кораблю
Пожелай удачи.

Там повсюду снег да лёд,
Гольмй камень серый.
Экспедиция идет
Далеко на север.
Все мне будет по плечу,
Так или иначе,
Сделать много я хочу.
Пожелай удачи.

Светят звезды в вышине.
Ветер, ватки гнутся,
Предстоит уехать мне,
Предстоит вернуться.
Предстоит еще решить
Разные задачи,
Предстоит на свете жить —
Пожелай удачи.

Вальс *p* *а tempo*

Отплыла юная раба. Что же не
первый раз слышишь ты, хороша я моя.

Один *p*

Зри себя не мучай. И вези
кобзю, вдали тем паче. На прощанье
кораблю пожелай удачи.

Вальс

Зри себя не мучай. И вези кобзю,
А вдали тем паче. На прощанье кораблю
пожелай удачи.

f

Зри себя не мучай. И вези кобзю,
А вдали тем паче. На прощанье кораблю
пожелай удачи.

f

Зри себя не мучай. И вези кобзю,
А вдали тем паче. На прощанье кораблю
пожелай удачи.

Подхватить от знака 8 и перейти на знак 4

Зри себя не мучай. И вези кобзю,
А вдали тем паче. На прощанье кораблю
пожелай удачи.

dim *rit.* *pp*

Зри себя не мучай. И вези кобзю,
А вдали тем паче. На прощанье кораблю
пожелай удачи.

Рисунок В. ЮДИНА.

